

Ника Никалео

Одно дыхание на двоих

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12033946

Одно дыхание на двоих : роман / Ника Никалео: Клуб семейного досуга; Харьков; 2015

ISBN 978-966-14-9685-8, 978-966-14-9689-6, 978-966-14-9688-9

Аннотация

Виола и Виктор встретились случайно и сразу поняли: это судьба. У каждого из них своя жизнь, семья, дети... Но чувство, вспыхнувшее между ними, оказалось сильнее долга. Они готовы бросить все и начать с чистого листа... Однако жена Виктора не согласна его отпустить. Она пойдет на все, чтобы его удержать! Карпатская колдунья обещала вернуть мужа в семью, но предупредила: кто-то из них заплатит за это высокую цену...

Содержание

Прыжок в бездну	5
Виола	11
Прелюдия и fuga	16
Испытание	22
Пара	28
Андриан	31
С глазу на глаз	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ника Никалео

Одно дыхание на двоих

© Хидченко В. А., 2015

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2015

* * *

Моей маме Богдане Хидченко, заслуженной артистке Украины

*Но самым опасным врагом, которого ты можешь встретить,
будешь всегда ты сам.*

Фридрих Ницше. Так говорил Заратустра

Прыжок в бездну

Виктор переключил на ближний свет и слегка сбросил скорость. Ливень, пеленой застилавший лобовое стекло, повис над дорогой, как плотный занавес из дождя. Двигаться вперед стало очень сложно. Мысли в голове путались. Сбивались где-то в одной части мозга в сюрреалистический клубок без всякой логики. Он занервничал, но словно не по-настоящему. Он отучился злиться долго. Виктор просто моментально забывал о причине своего гнева, а потому напряжение становилось бессмысленным, и уже через мгновение он расслаблялся. Но и состояние его покоя казалось каким-то странным, полуспокойным, нереальным. Разум был омрачен изощренными обидами, которые возникали из ниоткуда и туда же исчезали, не задерживаясь в сознании надолго. Собственно, Виктор не мог с точностью сказать, о чем он думает в конкретный момент времени и что именно он чувствует. Все смешалось: эмоции, воспоминания, действительность. Чертов ливень, он лишь усугублял его крайне неуравновешенное состояние! Виктор не понимал, что с ним происходит и что он должен делать после каждой следующей волны страха. Устав от напряжения, он прекратил бороться с собой, решив, что если им руководит кто-то или что-то, то пусть будет на то его воля. Непосильный самоконтроль полностью истощал сознание.

Мокрая, скользкая горная дорога с ямами да ухабами становилась все более сложной по мере того, как поднималась выше. Хорошо, хоть машин не было. Он сосредоточенно всматривался вперед, но кроме потрепанной грязно-белой линии слева от капота не было видно ни зги. Лишь три-четыре метра форы и... ливневый занавес.

Периодически звонил телефон, но Виктор выхватывал только сыновье «пап!». Горы и обильный, словно тропический, ливень глушили сотовый сигнал. Навигатор тоже вышел из строя.

– Алло? Алло?! Сволочная погода! – в который раз воскликнул Виктор и хотел было уже бросить телефон на сиденье рядом, но тот опять завопил.

– Пап, ты м... слыш...? – наконец донеслось прерывисто.

– Да, говори, сына! Я слышу!

– Ты уже возвращаешься? Мы в реа...ции, маме сдел... промывание же...ка. Слышишь, пап?!

– Я плохо тебя слышу, от-вра-ти-тель-но! Тут непогода. Потоп!

– Не волн...ся! Уже все. Не надо... – И голос растворился в раскате грома от смачно шарахнувшей где-то рядом молнии.

Виктор от неожиданности дернул левой рукой, чуть было не выскочив на встречную. К счастью, на дороге по-прежнему не было ни одного автомобиля. Из сообщения сына он почти ничего не понял. Таню отвезли в реанимацию. О ее отравлении чудовищной дозой снотворного Виктор узнал еще до приезда сюда. Наверно, надо было сразу же вернуться, но он не смог. Он должен был увидеть ее, поговорить. Возможно, надо бы отложить отъезд в Италию из-за попытки самоубийства Татьяны. Это нарушало его планы, но было единственно правильным решением. Он не мог бросить в такой ситуации жену. Это будет нечестно и жестоко по отношению к детям. Виктор поздно понял, что не сможет всего объяснить Виоле. Был убежден, что она не захочет его слушать. Хотя она всегда все принимает и понимает.

Татьяна – женщина не из слабых. Ее отравление выглядело скорее спланированным актом, чем проявлением безволия. В стрессовых ситуациях она всегда умела сконцентрироваться, мыслила холодно и рассудочно, как мужик. Виктору даже на мгновение захотелось, нет он понял, что где-то глубоко, в самом темном уголке своей души, он страстно желал, чтобы никто не узнал о попытке самоубийства жены, никто не появился вовремя. Пусть бы

она так и уснула этим добровольно вызванным сном и уже никогда более не просыпалась. Он не чувствовал греховности своего желания. Разве никто и никогда не хотел, чтобы жена исчезла бесследно из его жизни?! Хоть раз, но такое бывает. Но дудки! Нельзя решить одним махом все проблемы.

А Татьяна ему их создавала определенно сознательно. Развод, раздел имущества, ухудшившиеся отношения с сыновьями и постоянные скандалы, истерики, ссоры... Он давно уже перестал чувствовать по отношению к ней хоть что-либо. Она стала для Виктора членом его семьи, как брат или сестра. Татьяна просто была в его жизни как неотъемлемая часть, часть очень обременительная – со своими требованиями и упреками. Хотя он заметил, что до недавнего времени ее не особенно тревожило отсутствие близости, а если она и случалась, то не приносила прежнего внутреннего единения, понимания и гармонии. Возможно, и у нее кто-то был? А может, ей уже ничего не хотелось, кроме удовлетворения ее финансовых потребностей. Второе более очевидно. У Татьяны был надежный моральный стержень. Это он хорошо знал. К тому же она не отличалась особым темпераментом, чтобы быть похотливой. Именно поэтому он и взял ее в жены. Она была надежным бизнес-партнером. На нее можно было рассчитывать в любой момент. Татьяна могла заменить его, поддерживать и вести дела не хуже, а иногда даже значительно лучше. Но так было раньше. А затем она обленилась, когда Виктор сам, без помощи ее отца, начал строить свою небольшую империю. Она тешила свое самолюбие перед подругами, чьи мужья не были столь успешными. Могла себе позволить намного больше, чем другие, и этого ей, видимо, было достаточно. Похоже, ее тревожил лишь статус-кво, внешний антураж. Виктор понял это, но совсем не опечалился. Кто же будет заморачиваться из-за того, что у жены развилась гордыня?! Его тоже все устраивало. Так даже удобнее – сбросил обусловленную сумму на карточку и не паришься. Дежурные комплименты, цветы на праздники, дорогие статусные подарки на день рождения, годовщину свадьбы – и ты идеальный муж.

Поэтому теперь, когда он решил уйти, ее страшил крах такой, казалось бы, благополучной жизни. Ее королевство разрушало мощное землетрясение. Виктор забил бы на все, если бы не этот случай с отравлением. Татьяна задействовала последний аргумент, тяжелую артиллерию. Он понимал, что она сознательно манипулирует им, но ничего не мог сделать. Лучше бы она не выжила! И ничего такого убийственного в его мыслях нет. Кто, ну хоть раз, не мечтал, чтобы его жена внезапно умерла и освободила его от своего надоедливое присутствия?! Нет, он не чувствовал себя виноватым. Черта с два! Он искренне и глубоко полюбил другую женщину, настоящую женщину – слабую, но и сильную в своей слабости, нежную, беззащитную и заботливую. Была ли она такой лишь с ним? Он не думал об этом. Знал, что она только его, а желает ее вся публика в зале. И это заводило его еще больше. Как, как она будет жить там, в Италии, без него? Не мог ее отпустить и не хотел, но Танька спутала все карты! «Хитрое чудовище, гадина, ничем не побрезговала!» – мысленно выругался Виктор. Теперь он должен остаться здесь, пока она не встанет на ноги, не придет в себя окончательно. «Вот стерва, все продумала! Задавить ее мало!» – злился Виктор, каждый раз тормозя перед неожиданными волнами неумолимого ливня.

Дворники на лобовом стекле не успевали смахивать пелену дождя, как его заливала новая волна. Продолжать езду становилось слишком опасно. Надо было сворачивать на обочину и переждать, но не здесь, на перевале: с вершины горы мог сойти грязекаменный поток. А эта опасность посерьезнее ливня. Виктор решил не рисковать, а переждать ненастье внизу, около первого же кафе или частного дома.

Виктор уже приближался к высшей точке Яблунницкого перевала, как вдруг неизвестно откуда на дорогу, метрах в пяти перед капотом, выскочил кто-то, похожий на зайца. И уставился на Виктора круглыми, голографически-красными глазами. Он окаменел, его тело мгновенно покрылось холодными капельками пота, вспотели даже ладони. Гром колотил,

словно в громадные барабаны, выдерживая паузы лишь на вспышки молний, а зайчонок стоял посреди дороги, поднявшись на задние лапки, и не двигался. Виктор неистово ударил по сигналу, резко выжав тормоза, зная заранее, что его понесет.

Все произошло настолько стремительно, что он не успел адекватно оценить свои действия. Машина буквально вылетела, словно с трамплина, в пропасть вместе с потоком сходившей грязи, сломав парашют, как спичку.

Его разум прояснился одновременно со вспышкой молнии, осветившей невероятно глубокую расселину. Виктору показалось, что на несколько секунд автомобиль замер в воздухе высоко над землей. Но он успел запечатлеть в памяти всю жуткую красоту грозных грозных Карпат.

Вокруг царила фантастическая атмосфера. Густой белый дым окутывал землю, деревья, дорогу и реку где-то далеко-далеко. С гор устрашающе сползали блестящие черные массы, захватывая с собой деревья, будто кто-то норовил сорвать карпатские леса, как густой махровый халат с горного тела. Кое-где катились огромные валуны, перескакивали через дорогу и падали, раскалываясь, на уровень ниже. И только мелкие звездочки-свечи окон местных домов, которые невозмутимо стояли на месте, напоминали о том, что это не ново, временно, что все всегда проходит.

Виктор вцепился обеими руками в руль, ноги судорожно упирались в педаль тормоза, вдавленную в пол. Его тело напряглось, мышцы будто окаменели перед неизбежным столкновением с землей. Стало очевидным, что это и есть тот самый конец. Страха в его душе не было. Даже если он и не вылетит из машины во время удара, то мгновенно от него погибнет.

И вдруг время на миг остановилось, машина зависла в ослепительном сиянии молнии. Мысли со скоростью света сменяли друг друга...

Вот он, пятилетний малыш, гуляет один по набережной. Море мягкое и теплое, совсем не страшно. Так и хочется искупаться и научиться наконец плавать, а затем показать маме, что он может сам. Уже ножки омывают игривые волны, как вдруг: «Ви-тя... Витасик, стой!» – это кричит мама. «Где же ты был?! Стой, нельзя в воду! Мы тебя полдня ищем! Не лезь, нельзя, сынуля!» Он оборачивается и видит, как она бежит по берегу к нему. У нее ужасно перепуганное лицо, страшные, бездонные черные глаза.

А вот он уже подросток, гоняет на мотоцикле наперегонки с товарищем. Ветер в лицо, смех, они перекликаются, но их голоса глушит рев двигателей старых агрегатов. Дорога узкая, но асфальтированная, вдоль обочины все еще лежит гравий. Неизвестно, каким образом он задевает одним колесом те камни. Его заносит, он начинает падать, заваливая мотоцикл на левый бок, и, тут же разомкнув пальцы рук, отпускает железного коня. Тот, по закону инерции, со скрежетом скользит вперед, оставляя Виктора катиться. Он остро чувствует, как невыносимо печет ободранное на асфальте плечо, заливает горячим теплом левую ногу, но он встает и смеется.

И вдруг видит Таню в свадебном наряде. Она невероятно красива, улыбающаяся и счастливая. Вокруг нее желтое сияние, когда она спускается со львовского Высокого замка, где они делали свадебные фотографии. Он тоже чувствует, что счастлив. И вот у него на коленях уже сидят двое его сыновей, они еще маленькие, ходят в начальную школу. Их фотографирует Таня, дома на террасе.

Мгновенно все тускнеет, а потом и вовсе поглощается тьмой. Но он видит, как Таня вся в белом поднимается в горы. Она перепугана. Дрожит, но крепко держит в руках полотняный мешок, в котором сидит заяц, тот же черный заяц. Вокруг нее вьется какая-то непонятная темная сущность. Танино сердце учащенно колотится, она испугана, чего-то очень боится. Но она любит его, по-настоящему любит. Сейчас он это остро чувствует. И этот факт его совершенно озадачивает, возбуждая глубокое чувство сожаления и неотвратимости.

И тут же где-то совсем рядом ему видится окруженная желтоватым ореолом женщина, которая молится. Ее голос – как песня. Ее слышат... Она смиренно сложила руки, опустила дрожащие веки. Из-под них бегут прозрачные струйки слез. Страстный шепот выдает молитву. Из ее груди также исходит желтоватый свет и тепло. Она необычайно красива и какая-то родная. Он знает, что виноват перед ней. Невероятно виноват, и этого уже тоже не исправить.

И вдруг страшный, жуткий удар, скрежет треснувшего стекла и дикая боль в груди. Картинки исчезли. Остался только роковой, топящий все ливень... Но и тот растворяется во мраке.

Он пришел в сознание уже в больнице. Врач отчаянно лупила его по щекам. Он не чувствовал боли. Напротив, ему казалось, будто ничего не случилось. Будто пригрезилось все это. Тонкая грань между действительностью и фантазмагорией пережитого стерлась. Когда он наконец услышал, что кричала раздраженная медичка, спокойно сказал:

– Прекратите орать. Я вас отлично слышу.

– Почему зрачки глаз расширены? Ты что-то принимаешь? Наркоман?! – никак не могла та уговориться.

– Где я? – устало спросил он.

– В больнице!

– Странно. Во Львове?

– Идиот! Ты во Франковске. Ты что, ни фиги не помнишь?! – окрысилась она.

– ?..

– Матвеева. – Женщина сразу же реагирует на низкий мужской голос позади Виктора. – Он в шоковом состоянии. Прекратите немедленно! Вы ему инъекцию сделали?

Она утвердительно кивает головой.

– Вот вам, – большая рука передает исписанный лист бумаги. – Это для Бруцjak из восьмой палаты. Идите, а тут мы сами разберемся.

Он наклоняется над Виктором. Лицо, вызывающее глубокое доверие. Широкие скулы, искренние, добрые глаза, открытый взгляд и большой, в меру мясистый рот. Рядом с ним молодой врач, наверное интерн.

– Не обращайтесь внимания. Это наша медсестра, – и, вздыхая, добавляет: – Вынуждены держать. Персонала не хватает. Скажите мне, родненький, что вы чувствуете?

– Ничего, – однозначный ответ.

Лицо врача мрачнеет, брови ежатся. Он серьезно над чем-то задумывается и говорит:

– Тогда на рентген. «Ничего» – это нормально в вашем состоянии.

Виктор знал, что организм человека – отлично отлаженная биосистема. И в таких ситуациях мозг посылает сигнал эндокринным железам впрыснуть в кровь гигантскую дозу гормонов. Тогда все внутренние органы переходят в экстремальный режим работы, блокирующий нечеловеческую боль.

Врач без церемоний распахнул рубашку Виктора и прислонил к груди фонендоскоп.

Слева – справа, слева – справа. В груди, кажется, что-то хрустит, как будто там лежит снег на трескучем морозе. Но это всего лишь иллюзия.

– Дышать трудно?

– Да, не хватает воздуха.

Врач пальпирует живот.

– Внутренние органы не повреждены, – констатирует со скрытым удивлением.

– А что со мной?

– Автокатастрофа, родненький. Авария, в которой вы каким-то чудом выжили. А у меня-то обычные, человеческие глаза, а не гамма-лучи, – отделался отговоркой опытный медик. – Ребята, везите этого пациента в рентген-кабинет. И мигом!

На следующее утро, когда приедет жена Виктора, он уже впадет в кому. Откажут легкие, и его подключат к аппарату искусственного дыхания.

Она, дрожащими руками держа листок с диагнозом, прочитает понятные слова:

«Тяжелые комбинированные травмы. Травма позвоночника, а именно Th#7#Th#8 сегмента. Двусторонний пневмоторакс. Тупой ушиб грудной клетки. Большой кровоподтек на уровне грудных сегментов типа А по шкале Френкеля. Посттравматический шок III степени. Сердечная и легочная недостаточность».

Она остолбенеет. Мир содрогнется и превратится в сингулярность, черную дыру, которая уничтожает все.

– Скажите мне, пани Татьяна, ваш муж часто попадал в критические ситуации? – умело выдернет ее из параллельной реальности врач.

– Не понимаю... О чем вы? – шепотом, глотая слезы, переспросит она.

– Он – счастливчик. Обычные люди не выживают в таких авариях. У пана Виктора могущественный ангел-хранитель, как сказали бы верующие люди. Но рано или поздно такое заканчивается.

– Да, он очень везучий человек. Точнее, был до этого, – скажет как будто из потустороннего мира Татьяна, обхватит ладонями голову и, закрыв глаза, спросит: – Прошу вас, доктор, скажите, он будет жить? Мы не пожалеем никаких денег. Никаких!

Несколько мгновений тишины покажутся часами. Врач, собравшись с мыслями, банально сомкнет на столе руки в замок, заложит ногу на ногу, остановит взгляд в дальнем углу своего кабинета и скажет:

– Если бы он был в сознании, я еще что-то смог бы сделать. А сейчас его жизнь в руках Всевышнего.

– Почему вы не провели операцию сразу, как только он поступил? – прошептит Татьяна.

– Он умер бы на операционном столе.

Сыновья по обе стороны поддержат ее, чтобы она не потеряла сознание. Старший покраснеет, уронив скупую мужскую слезу. Младший просто заплачет.

Животный ужас перед неотвратимым сковывает тело и дух, будто железные кандалы. Морозное дыхание смерти становится физически ощутимым и пронизывает насквозь ее угнетенную душу. Мир раскалывается пополам и выплевывает кипящую лаву, испепеляя ее. Разве же она могла знать?! Разве могла представить, что все вот так обернется?!

И, наверное, впервые с тех пор, как себя помнит, у нее начнется истерика. Она зарыдает с надрывом, начнет кусать свои скомканные в кулаки руки, из которых засочится кровь. Она будет рвать на себе волосы. Мысленно проклиная все и всех, а больше всего саму себя. Это бессмысленная жизнь с ее никудышными страстями и единственным важным мерилем всего – смертью. Она будет умолять Господа забрать ее, проклятую. На вопли прибежит молоденькая сестричка и сразу же сделает инъекцию успокоительного.

Никто не властен над чужой судьбой, никто не осмелится вмешаться. Не посмеет оказаться на пути Господа.

– О Боже! – еле слышно прошепчет Татьяна. – Что же делать?! Я не смогу жить дальше? Горе мне горе, страшная беда...

– Ребята, подождите, пожалуйста, маму под кабинетом, – обратится врач к их сыновьям.

Те с пониманием выйдут.

– Это еще не беда, – стуча пальцами по столу, неожиданно сообщит ей нейрохирург, когда на нее окончательно подействует лекарство. – Это будет лучший выход для него в данной ситуации.

– Что? Вы слышите свои слова? Как вы смеее говорить такое мне, его жене? – убийственным взглядом посмотрит она на дерзкого нейрохирурга. – Что это значит, что за грубые манипуляции?

– Смею. Я знаю, о чем говорю, – сурово ответит врач. – Всегда есть шанс. В данном случае он ничтожно мал, просто мизерный. По статистке выживают процентов пять-семь, не больше. У вашего мужа он один из ста, и тот не с наилучшим прогнозом.

– Если есть хоть единственный шанс, вы обязаны, доктор. Нет, я заклинаю вас не дать умереть Виктору. – В ее душе забрезжит призрачная надежда. – Что для этого надо?!

– Я еще не закончил. Послушайте меня внимательно. Сделайте над собой усилие и постарайтесь понять то, что я вам сейчас скажу.

Она притихнет. Эти его слова – в настоящий момент самые важные в жизни.

– Я знаю, что вы броситесь покупать дорогие медикаменты, которые, конечно же, добавляют какой-то уверенности. Но у него чрезвычайно тяжелая травма позвоночника. Простым языком – перелом на участке седьмого и восьмого позвонков. Вероятен разрыв спинного мозга. Вы понимаете, что это значит?!

– Да, немного. Спинной мозг – вязкое вещество. Его клетки быстро отмирают, – прошепчет Татьяна умоляюще и вдруг встрепенется от роковой догадки: – Он никогда не сможет ходить?!

– Не сможет никогда, – прозвучит как приговор.

Она вцепится взглядом в этого еще нестарого, но мудрого врача. Он заметит ее ступор, но все же продолжит:

– Я не уверен, что он хотел бы жить, если бы знал, что его ожидает в новой жизни... Титан в спине, инвалидное кресло, катетер из мочевого пузыря. А что ожидает вас?! Вы станете его прислужгой, нянькой... Но ведь вы еще молодая женщина. Подумайте над тем, что я сказал!

– Доктор, сколько надо денег?! Сколько, ну говорите же? Что мне сейчас делать?! Потом я повезу его в лучшие клиники мира и поставлю на ноги, чего бы мне это не стоило.

– Он не встанет на ноги никогда, – повторит, жестко чеканя, врач. – А если и выкарабкается, то это уже будет совсем не тот человек, которого вы знали, – все еще пытается переубедить ее нейрохирург.

– Что для этого нужно?! – Татьяна также твердо проговорит каждое слово.

– Я все понял, – вздохнет врач.

Самый лучший нейрохирург региона возьмет ручку и рецептурные листочки. Он тоже из счастливчиков – за его долгую практику у него еще никогда не умирали пациенты.

Виола

Виола смотрела сквозь зимнее кружево на окне. Этот рисунок был знакомым и новым одновременно, и холодным. В его очертаниях она видела карпатские извилистые реки, заснеженные ели и сосны.

Ее сердце сжималось и трепетало, будто ему было мало места в груди. Там что-то рвалось и клокотало, билось и разрывалось от нестерпимой всеобъемлющей боли.

Это было отчаяние человека, который ничего не мог изменить. Боль человека, который боролся со своим внутренним демоном. И от того ему становилось еще хуже – рыдала сама душа.

А как весело и беззаботно все начиналось... Они наперегонки спускались с вершины Буковеля. «Кто последний, тот вечером дает концерт перед камином!» Виола весело засмеялась. Даже если она и придет последней, так как рядом спускались старые горнолыжные волки, то спеть пару песен будет ей в радость. Потому что музыка – ее стихия, ее жизнь, ведь Виола – оперная дива.

Мороз почти сразу проник под ее тонкую атласную пижаму. Но взъерошенные мысли запутали это ощущение в противоречиях. То ли ее просто лихорадило от воспоминаний, то ли она действительно промерзла. Виола встрепенулась, когда коснулась своего холодного носа и вошла в комнату с застекленного балкона обычной «сиховской»¹ панельки во Львове.

Зазвонил домашний телефон.

– Виолка, – сочным низким голосом заговорила трубка. – Доброе утро, девочка моя!

– Здравствуйте, Медея Феликсовна, – почти прошептала Виола. – Я уже собираюсь. Через час, как и договаривались, буду в вашем классе.

– Постой, не спеши, – прервала ее та. – У нас сегодня должно быть прослушивание. Заведующий кафедрой заболел, поэтому попросили меня. Виола, давай перенесем репетицию на завтра, на четыре. Ты сможешь?

– Хорошо, – с облегчением выдохнула молодая женщина. – Спасибо, что перезвонили.

Стройная жгучая брюнетка кошкой прошла в ванную и стала под горячий душ. Ей смертельно захотелось согреться от холода и тремоло в груди.

Струйки воды мягко омывали ее смугловатое и все еще упругое тело. Даже после рождения дочки Виола не потеряла своих девичьих форм. Невысокая, с аккуратными выпуклостями, она была похожа на творение великого скульптора, которому просто чуточку не хватило материала. И он все свои замыслы воплотил в уменьшенном формате. Зато не пожалел красок для завершения образа своей Галатей. Каштаново-шоколадные выющиеся волосы ниспадали вдоль овального, с легким румянцем лица с благородным носом. Черные, как уголь, обольстительные глаза озорно глядели из-под четких, раскинутых крыльями бровей.

Первое впечатление о себе Виола всегда оставляла двойственное, даже парадоксальное: магнетически привлекательная молодая женщина, и в то же время высокомерная. Но это было всего лишь первое впечатление. Так она не допускала в свой мир чужаков. Те же, кто прошел испытание временем и ее интуицией при последующем знакомстве, всегда были покорены ее искренностью и доброжелательностью.

Пар поднимался от воды, казалось, испарялись и сами ее мысли. Хотелось зарыться в подушку, накрыться пуховым одеялом, заснуть сладким сном младенца и проснуться легко и радостно, как это было до недавнего времени.

¹ Сихов – крупнейший жилой массив во Львове.

«Нужно срочно с кем-то поговорить!» – ухватила за спасительную идею измученная Виола. Она завернула волосы в традиционный тюрбан из махрового полотенца и, накинув на себя теплый халат с батареи, набрала номер подруги.

– Привет, Катя! Как у тебя со временем? – заговорила умоляющим тоном.

– Ну, в данный момент у меня пациент, Виол. Случилось что? – Катя, психолог по специальности, сразу почувствовала тревогу.

– Я не знаю. Но ты мне очень нужна, – произнесла Виола, будто заклиная.

– Понятно. Приезжай так часика через два. Потерпишь?

– Отлично. Спасибо, Катя.

– Ну, целую. Держись. – И трубка отключилась.

Пока они говорили, Виоле было как-то уютнее, что ли. Она будто ухватила за привычную, теплую, будничную вещь, которая не тревожит, не приносит боли. А теперь ее опять окутала тягучая тоска.

Она вставила в CD-плеер диск с оперой «Тоска» Джакомо Пуччини и включила его почти на полную мощность. Ни одно другое произведение из ее богатой коллекции классики не смогло бы так точно отразить ее глубоких душевных переживаний.

Виола начала собираться. Случайно зацепила кипу книг и альбомов. Один из них выпал. Свадебный. Подняла и раскрыла. Она – такая еще юная и он – совсем парнишка! «Теперь так рано не женятся. И правильно делают». А вот он смотрит на нее с недовольством. Почему? Ведь это – свадьба. Ага, вспомнила: шампанское из бокала лишь отпила (горло болело), а ему пришлось бокал опустошить до дна. Не любит этот напиток до сих пор. Хотя была и другая причина для нареканий. Уже тогда не мог или не хотел скрыть свой ворчливый характер. Но Виола по наивности надеялась, что это пройдет.

А вот фотографии с крестин Орыси, их дочурки, Виолиного солнышка. Кажется, что это было недавно. А уже почти пять лет прошло! Какая она здесь еще совсем крошка. И Андриан, кажется, безгранично счастлив, целует Виолу. Так хотел доченьку. И куда это все делось? Почему где-то по дороге жизни рассеялось это ощущение счастья?

Из динамиков зазвучала ария Тоски. Виола заслушалась, а в ее глазах блеснули слезинки. Но она мигом овладела собой, прогнав прочь самоедство, и засобиралась к подруге.

Екатерина арендовала офис в центре города. Без неуместных новомодных ремонтов, лишней бытовой техники. Это было уютное, почти домашнее помещение. Оно должно было не вводить человека в заблуждение своим блеском, а внести в его беспокойный мир умиротворение и гармонию. Настроить клиента на откровенную, искреннюю беседу с профессионалом.

– Привет, прима, – нежно прижала к себе подругу Катя, когда заснеженная Виола запустила в офис морозный дух.

– У меня раскалывается голова! – вместо приветствия пожаловалась Виола.

– Вот уж новость! – иронично улыбнулась психолог. – Гильотину или таблетку аспирина?

Подруга Виолы была последовательницей так называемой гештальттерапии. Одного из современных методов решения проблем, суть которого заключалась в простой квинтэссенции – «здесь и сейчас». Его основной аспект, пожалуй, актуальность. Анализируя человека по пяти сферам жизнедеятельности: физической, духовной, эмоциональной, рациональной и социальной, можно создать его целостный образ. Тогда проблемы, волнующие человека, решались значительно проще. Благодаря этому методу Катя наладила отношения со своей мамой. А ведь до этого она не могла найти с ней взаимопонимания много лет! Благодаря ему же стала успешным практикующим психологом.

– Кофе будешь? Или чай?!

– Давай чай, Катюша, – казалось, безразлично бросила Виола, снимая купленную еще на гастролях в Канаде искусственную, но эффектную шубу под леопарда.

Катюшей подруга становилась тогда, когда Виоле было слишком плохо или очень хорошо. Вообще, она, как и любая актриса, умела скрывать плохое настроение на людях. Но когда эмоции зашкаливали, помогали только беседы с Катюшей. Они всегда общались не как психолог и пациент, а как обычные подруги.

– Как отпраздновали день рождения Андриана? – начала издалека Катя.

– Отпраздновали, – как-то сокрушенно ответила Виола. – Жалко, что ты не смогла прийти.

– Работа. Так что уж прости. Кто был?

– Были все. Пришли даже те, кого я вообще впервые видела. Но это ерунда, конечно, – и, выдохнув, прибавила: – Он ходил за мной, как малый ребенок. Буквально преследовал.

– Кто? Виктор?! – Подруга была в курсе всех последних перипетий в ее жизни.

– Да! – удивленно ответила Виола, как будто это и не мог быть кто-то другой.

– Ну, так чего?! Ты же ему симпатизируешь, – безразлично бросила Катя.

– Но это было уже чересчур. Народ косо смотрел, шептались, посмеиваясь.

– Да ну их! Подумаешь!

– Катюш, я же говорю: это – слишком. Я его предупредила, что не делаю маленьких ремарок.

– И он понял?! – улыбаясь, удивленно вскинула брови Катя.

– Еще бы! Ответил, что и не думал ни о чем таком.

– Ну, вот и чудненько. А ты прям вся разволновалась.

– Я не из-за этого, – прошептала Виола, опустив свои длинные смоляные ресницы.

– Тебя что, это тоже зацепило?! – Катя вытаращила глаза на подругу.

Они молча глядели друг на дружку какое-то время.

– Ты как не слышишь: я больная на всю голову, – вдруг разрыдалась Виола.

– О боже! Подожди, что же ты так бурно реагируешь? Такое бывает. Ну что тут поделаешь. Это – жизнь. Я вообще удивлена, что это с тобой только теперь произошло.

– Почему?!

– Ты очень эмоциональная и темпераментная женщина, к тому же еще и творческая личность, – улыбаясь, искренне ответила Катя.

– Я себя всегда контролирую и не размениваюсь на какие-то рефлексии, – объяснила Виола. – Это мешает.

– А Виктор – очень достойный вариант, – причмокнула Екатерина.

– Вариант?! – взорвалась Виола. – О чем ты говоришь? Какой, к черту, вариант?! У меня семья, и он тоже не одинок, между прочим.

– А брак – это не прививка от чувства, – с улыбкой прошептала опытная подруга.

– И что мне теперь с этим делать? – всхлипнула Виола. – Я не могу ни о чем другом думать, работать, есть, спать, петь, в конце концов!

– О-о, это уже паршиво, – подытожила психолог. – Так сообщи ему, что ты передумала.

– Я не передумала! Этого не может быть. Ты знаешь, как я отношусь к таким вещам. Моя позиция очень жесткая.

– А зачем тебе такие высокие принципы? Кому от этого хорошо? Тебе сейчас хорошо?!

– Невыносимо, – выжала из себя Виола.

– Ну вот. Для чего устраивать самой себе пытки, если должно было быть наоборот? Если приходит настоящее чувство, то это не «просто так». Следовательно, тебе это необходимо. Ты мазохистка, что ли?! За принципы всегда гораздо легче бороться, чем жить согласно им! – и уже полушутя: – Прости, но врач говорит, «если очень-очень хочется, то можно».

В этот миг Виоле показалось, что воздух в помещении сгустился, а время остановилось. И что-то горячее, жгучее начало пульсировать у нее под ложечкой.

– Мне ничего такого не хочется! – вдруг невозмутимо сообщила она.

– Ты меня совсем запутала! То «ни о чем другом думать не могу», а то «не хочется».

– Правильно! – подтвердила она свои слова. – Я могу думать только о нем, вспоминать то, что было. Все. Точка. Как сексуальный партнер он меня абсолютно не интересует!

– Дурочка, это и есть настоящая страсть, – будто открыла ей глаза Катя.

– Я всегда была уверена в том, что страсть – это плотские желания, – отозвалась Виола.

– Да, конечно, есть страстная любовь со всеми последствиями. И когда темнеет в глазах еще в начале каких-то отношений, то это и есть лимеренция, или страсть.

– Лимеренция?! Впервые слышу, – искренне удивилась Виола.

– Один известный в Америке психолог, Теннов, работал над этой проблемой более десяти лет. Он доказал, что именно такая любовь отличается острой эмоциональной нестабильностью и колебаниями между приступами эйфории и маниакальной неуверенности и ревности. Страсть не сводится к влечению и потребности в сексуальной близости. Мотив сексуальности в ней – явление обузданное, второстепенное.

Виола удивленно смотрела на Катю. В ней боролись противоречивые чувства: стыд, жалость к самой себе и отвращение к провозглашенному подругой.

– Скажи мне, Виол... – Катя запнулась. – Но можешь не отвечать, если не хочешь.

– Нет-нет, спрашивай! Какие уже теперь секреты?

– У тебя, кроме Андриана, в жизни хоть кто-то был?

– Ты что? – возмутилась Виола. – Как можно?!

Она озадаченно сжала пухлые губы и откинулась в большом мягком кресле.

– А как Андриан? – поинтересовалась Катя.

– Как всегда, поглощен работой. Фирма пожирает все его время и эмоции. А может, я ему и вовсе безразлична.

– Я так и думала. Все программисты одинаковы, как и те программы, которые они пишут: ноль и единичка, два ноля и две единички и так далее. Ну, тогда тебе проще.

– Кажется, твой не такой, – заметила Виола.

– Только на какую-то каплю, – улыбнулась уголком рта Екатерина.

Она начала заваривать кофе и обдумывать ситуацию, в которую попала ее ближайшая подруга.

У самой Кати первый брак оказался неудачным. Муж – пентюх и бездарь, придя на все готовое, и не думал как-то зарабатывать на созданную семью. Все, что имела Виолина подруга, – заслуга ее отца. Он, главный архитектор Львова, ежемесячно навещался к дочке и двум взрослым внукам не только из теплых семейных чувств, но и чтобы материально поддержать их.

Юрик, Катькин бывший, подкупил молодую и неопытную Катю охапками роз, романтическими вылазками на природу и своим атлетическим телосложением. Но как только его влюбленность прошла, прекратились поездки за город, обожание и нежности. Тогда же его молодой жене приелись и скульптурные рельефы на теле мужа. Они начали ругаться из-за любой мелочи. Пытались побольнее уколоть и оскорбить друг друга. Впоследствии они привыкли к таким семейным междоусобицам.

Получив университетский диплом психолога, Катя долго не искала работу. «Дебильная специальность», – говорила она и растворялась в семейных заботах. Но когда ее благоверный начал себе еще и подружек заводить, не выдержала и рассталась с ним. Еще и за ремонт в квартире, где они жили, ее папа вынужден был вернуть деньги зятю. Это было единственным, на что потратился драгоценный Катин муженек. С тех пор его как ветром сдуло. Исчез и даже не звонил по телефону.

Второй раз Катя вышла замуж за мужчину значительно старше. И тоже с предыдущим опытом брака.

– Ну и замечательно, что намного старше, – оптимистично убеждала она отца. – Будет без этих идиотских сорокалетних фортелей! Накушались уже. Благодарю, достаточно.

Их брак влюбленными взглядами и страстными порывами не изобилдовал. Но спокойная семейная гавань, очевидно, устраивала этих двух деловых людей. Костик зарабатывал достаточно большие деньги, работая программистом в одной из компаний с иностранными инвестициями. Он искренне восторгался профессией своей жены, отмечая, что она альтруистка. Ведь за такой мизер, по его мнению, помогает людям решить сложные жизненные вопросы.

– Ты знаешь, я, наверное, пойду уже, – спохватилась Виола. – Мне еще нужно ужин приготовить.

– Не спеши, расслабься. – Катя негромко включила «Энигму».

– Не надо! Мне и так тошно, – эмоционально среагировала Виола на экзистенциальную музыку.

– Нет, я хочу, чтобы мы с тобой поразмышляли, посоветовались. Ты же за этим пришла? А я не совсем поняла весь трагизм ситуации. Что-то не так с тобой.

– Со мной?! Со мной что-то не так уже лет десять, – грустно и жалостливо прошептала подруга.

Прелюдия и fuga

Виола начала свой рассказ издалека. Катя ее не перебивала, слушая воспоминания о сценической и эмоциональной жизни своей подруги, о том, как возник у нее интерес к Виктору.

– Раньше я часто ездила в Трускавец на «халтурки». Замечательный, очень камерный городок!

– Да, совсем западный: вокруг чистота, все ухоженное, аккуратное, со старыми нарядными деревянными домиками и роскошными медицинскими комплексами рядом. Люблю этот город у подножия Карпат. Там такой хрустальный воздух! – не удержалась и вставила Катя.

– А я люблю такие вылазки. Это и дополнительный заработок, и в то же время возможность развлекаться, попить целебной «Нафтуси». Вот только дороги. Известные «фронтовые» – это испытание на прочность нервов не только водителя, который на каждой яме ругается, как пьяный клошар, но и нашего бомонда. Ты же знаешь, как они реагируют на такой поток сознания. – Она округлила глаза. – Я всегда почти на всю мощность включаю MP3#плеер, чтобы всего этого не слышать. Ныряю в свой мир. И около двух часов, вплоть до самого приезда, наслаждаюсь изысканной музыкой Моцарта. Или разбираю новую партитуру, чтобы не портить себе настроение ни от матерных слов, ни от грустного пейзажа за окном, – объяснила Виола и через мгновение, задумавшись, продолжила: – Мне так больно видеть наши села, которые разрушаются и вырождаются. Еду, смотрю и чуть не плачу от этой беды! Лишь кое-где выныривают, как белые грибы среди прошлогодних листьев, ухоженные усадьбы зажиточных селян. И от этого еще более поразительной становится бедность и нищета остального населения. А дорогой мы, как правило, натываемся на в стельку пьяные рожи, среди которых случаются и совсем молодые ребята. По вечерам народ, уставший от ежедневного тяжелого труда, стремится расслабиться. А что за развлечения в деревне?! Танцы в полуразвалившемся клубе по воскресеньям и обязательные драки после того. Вот и весь релакс по-ихнему. А в будни – вечерний моцион вдоль проезжей части. Девушки, одетые и разукрашенные, как дорожные проститутки, по две-три медленно флагируют от дома к дому, время от времени перепугано разбегаясь от хмельных окриков деградирующих ребят. Сердце разрывается!

Виоле действительно было досадно видеть эту грустную картину. Ведь она сама когда-то могла очутиться на месте этих бедняг, если бы Бог не наградил ее исключительным даром петь и чувством долга – идти за своим голосом. Не остановилась на церковном хоре и не бредила стать свадебной певицей. Никогда не видела себя в таком амплуа, поэтому, наверное, и не могло с ней такого произойти. Была счастлива, что не осталась в деревне с родителями. И в то же время болела ее душа за такое бесперспективное будущее живущих там людей. Раньше мечтала, что при первой же возможности обязательно позаботится о том, чтобы в школе Леска учредили художественный кружок. Там дети смогли бы учиться рисовать, лепить, петь или танцевать. Но село вымирало. Вся молодежь сбегала в город. И уже скоро в их селе вовсе не стало школы.

В воспоминаниях время проходит быстро.

– Добрый день. Ваши данные? – к водителю автобуса подошел охранник самого большого в городке отеля, – вспомнила первое приветствие в Трускавце Виола.

– Здравствуйте! Львовская опера – на банкет, – ответил шофер.

– Проезжайте и паркуйтесь в правом крыле. Только там есть место для автобуса, – сообщил парень, предварительно сверившись с записью в своем журнале.

На парковке перед высоким зданием гостиницы «Риксос-Прикарпатье» стояли исключительно престижные автомобили. Транспорт от оперного театра, в котором приехали мы – струнный оркестр, трио бандуристок и вокалисты, – едва уместился на стоянке.

Я вышла, прихватив с собой сценическую одежду на вешалке. Глубоко вдохнула свежий вечерний воздух. О, сколько же там кислорода! Было достаточно прохладно. А на мне совсем открытое платье! Хорошо, что в последний момент я все же взяла свое пуховое болеро.

Перед входом красная ковровая дорожка. Вокруг здания были прицеплены цветные воздушные шары, которые при каждом дуновении ветра так и стремились оторваться, пытаясь вдохнуть взлелеянной в мечтах свободы. Всюду шастали охранники с рациями, в солнцезащитных очках. Не представляешь, Катя, как это глупо! В памяти сразу всплывают кадры из блокбастера «Люди в черном». Ты помнишь?! Там еще главные герои следят за смешными пришельцами. Здесь все проходило с не меньшей серьезностью. Только зеленых гуманоидов и не хватало!

– Проходите направо. – Один из часовых показал мне дорогу. – Там вас встретят.

Я пошла в указанном направлении. Шла и с неподдельным увлечением рассматривала достойный пятизвездочного класса отель: мраморный пол и колонны, бутики, спрятавшиеся в эркерах первого этажа, оригиналы картин современных художников на мольбертах вдоль коридора и... белый рояль. Понятно, я тут же оказалась у инструмента и попробовала открыть крышку. Но та не поддавалась.

– Прошу прощения, молодой человек, можно ли им воспользоваться? – спросила я официанта, который проплывал с подносом мимо.

– Нет, к сожалению. Но вечером будет пианист, и вы сможете насладиться музыкой, – ответил тот с притворной профессиональной улыбкой. – Ключ только у него.

Парень едва заметно кивнул головой и направился в лобби-бар, где сидели за стойкой участники экономического форума. «Толстосумы», – внутренне улыбнувшись, вспомнила я остроумное словцо. Здесь оно звучало в унисон еще и с внешним видом брюшков их владельцев.

– «Толстопузы», вероятно, было бы смешнее, – сыронизировала Катя.

Всю музыкальную труппу разместили в небольшом номере для персонала, где не было даже такого необходимого для актера предмета, как зеркало. Мужчины вышли, и женщины быстренько начали приводить себя в порядок в этих почти полевых условиях. Но нам не привывать!

– Если бы не те деньги, что мне пообещали, я бы здесь такой скандал устроила! – возмущалась одна из наших бандуристок.

– Действительно, такая роскошная гостиница, а нам дали какую-то задрипанную каморку! – поддержала ее другая, еле-еле втискивая пышную грудь в слишком узкую, вышитую бисером национальную сорочку. – А ты что же не переодеваешься? – обратилась она ко мне.

Я растерянно стояла посреди комнаты с вешалкой в руках, на которой висела моя пышная юбка с корсетом.

– Да мне здесь вообще развернуться негде, – пожаловалась я. – Лучше я, наверное, выйду и подожду, пока вы закончите. У меня ведь последний номер.

– Как хочешь.

Я зацепила одежду на стационарную вешалку, которую пришлось выдвинуть из угла почти на середину комнаты, чтобы свободно поместились объемные сценические наряды. И закрыла за собой дверь.

В коридорах и залах гостиницы царила возвышенная и в то же время суетливая атмосфера. Всюду сновали деловые люди с бейджами, по которым обслуживающий персонал

в ресторане и кафе узнавал участников форума. Немало приехало и иностранцев, рядом с ними постоянно вертелись переводчицы. Были и журналисты. Один из них, новостной журналист, узнал меня и решил, воспользовавшись ситуацией, убить, что называется, сразу двух зайцев.

– Виола! Здравствуйте, вы меня помните?! – крикнул он вдогонку, когда я уже спускалась по лестнице в бювет.

– Ах, Александр! Ну, конечно. Я еще не жалуюсь на память.

– Можно небольшое интервью? Для новостей культуры.

Мы разместились рядом с роскошным «Стенвеем» ради красивых фотоснимков. И этим привлекли внимание всех собравшихся. Даже глава областной администрации, как раз проходивший мимо нас с делегацией, удивленно осмотрел девушку, которую снимала камера, – улыбнулась с подтекстом Виола. – А после интервью я обследовала почти всю гостиничную площадь, побывав и в ресторане, и в бассейне, и даже в тренажерном зале. Потом, поглядев на часы, решила, что уже пора переодеться, и вернулась в убогую каморку.

Постучав, я открыла дверь и от неожиданности окаменела. Помещение было заполнено оркестрантами. И прокурено так, что можно было вешать топор. Я даже не поняла сразу, куда девалась с вешалки моя одежда. Потому как и сама вешалка бесследно исчезла.

– Господа хорошие, где же мое платье?!

– Виола, а ты точно помнишь, что оставляла его именно здесь? – решил пошутить один слюнтявый скрипач.

– С чего бы это мне сегодня уже во второй раз напоминать о моей памяти? Я не шучу. Это мое личное платье, а не реквизит. – Я уже начинала нервничать, мой голос дрожал.

– М-да-а, – протянул руководитель оркестра и по совместительству дирижер, – не хорошо волноваться вокалисту перед выступлением. Ребята, вероятно, повесили тут своего добра на твою одежду. А ну, быстренько разгребли!

Оркестранты мгновенно демонтировали гору одежды, которая на самом деле «съела» вешалку. И на скрюченном скелете, помятое, как из сумки челнока, обнаружилось мое несчастное платье.

– Боже мой, что же мне теперь делать?! – в отчаянии всплеснула я руками. – Я же не могу выступать в платье, пожеванном крокодилом.

– М-да, ситуация... – прошептал с пониманием дирижер. – Надо что-то придумать. Мы же в гостинице. Здесь обязательно есть обслуживающий персонал, который мигом отутюжит твоё концертное платье. Просто подойди к метрдотелю! – как само собой разумеющееся, посоветовал руководитель с улыбкой.

Пораженная такой беспардонностью, я выскочила за дверь. Мне хотелось плакать от обиды и беспомощности. Я стояла, прикрыв глаза рукой, чтобы не выдать окружающим свое внутреннее возмущение. Вообрази себе, Кать, сколько бы стоило исправление такой ситуации в «Риксосе»! И вряд ли это можно было бы сделать быстро. Ведь дома утюжка одной четырехметровой юбки занимает около полутора часов! А в этом платье их три, не принимая во внимание сложность кроя. Я была так занята своими неутешительными рассуждениями, что даже не увидела, как напротив меня, в зале для приемов, мой знакомый журналист писал интервью с самим губернатором. Счастье, что он заметил мое отчаяние! А я, еще раз пораскинув мозгами и набравшись наглости, пошла на ресепшен.

Там мне с радостью обещали помочь, подав прејскурант услуг и сообщив, что за срочность взимается двойная оплата. Внимательно изучив цены, я вообще выпала в осадок. Поняла, что «халтурка» будет стоить мне почти полумесячной зарплаты в театре. В таком случае мне лучше было остаться дома! Ни удовольствия, ни денег.

– Проблемы? – вдруг спросил мужской голос.

– Александр. Да так, рабочий момент, – ответила я, в двух словах обрисовав ситуацию.

Журналист как раз проходил мимо меня со все той же делегацией главы областной администрации. И губернатору, по его просьбе, без разговоров выдали ключ от свободного номера вблизи банкетного зала. «Для известной оперной певицы». Правда, вежливо попросили вести себя как можно аккуратнее. Платье обещали немедленно привести в порядок и к тому же бесплатно. Я была очень благодарна и безгранично счастлива. Как мало надо человеку!

Все произошло как по мановению волшебной палочки. Я уже закрыла за собой дверь номера и, поправив на себе профессионально отутюженное платье, поспешила спуститься на фушет. До моего выступления оставалось менее десяти минут.

Сквозь стеклянные двери было отлично видно откормленную финансовую верхушку, которая приехала на Международный экономический форум. Все в строгих деловых костюмах, в галстуках... Бизнесмены общались между собой за банкетными столами с экзотическими яствами, при этом им абсолютно не мешала классическая концертная программа. Кто-то даже время от времени кидал взгляд в сторону оркестрантов, которые исполняли известное попури. И вдруг мне бросилось в глаза знакомое лицо. И поскольку среди участников акции почти не было женщин, я попробовала разглядеть ее внимательнее. Отворила дверь и вошла внутрь.

– А теперь выступит одна из самых талантливых солисток Львовского национального оперного театра, – донеслось до моих ушей, и я мигом переориентировала свои мысли на работу.

Катя все это время внимательно, лишь покачивая головой, будто сова, слушала подругу. Она представляла детали интерьера разрекламированной гостиницы и буквально видела, как Виола встает в центр условной сцены... Все разговоры стихают. И после коротенького вступления она начинает сеанс гипнотического пения. Ее золотисто-искристый наряд со стразами венчает возвышенную атмосферу вечеринки.

– Под минусовку я сначала исполнила известный кроссовер «Adagio», – продолжала Виола. – Это всегда наповал убивает не слишком заангажированную классическим репертуаром публику. А после, выгодно сыграв на контрасте, я спела а капелла две украинские народные песни «Чотири воли» и «Ой, не світи, місяченьку». Конечно, это провоцирует бурю аплодисментов и восторженные возгласы «браво».

Я отпела свое и уже почти вышла, как вдруг услышала сзади:

– Виола, привет!

Оборачиваюсь...

– Добрый вечер. Я вас еще при входе заметила э...

– Татьяна, – напомнила женщина свое имя, и тень неприязни промелькнула на ее улыбающемся лице. – Ты замечательно выступила. Нам приятно тебя видеть здесь.

Тут же подошел и он. Он – муж Татьяны, Виктор. Тогда я его воспринимала лишь в таком амплуа.

– Ты пела непревзойденно. – Он поцеловал мне руку, а взглядом оценил мой внешний вид. – Брависсимо!

– Благодарю, Виктор! – Я сразу смутилась.

– Может быть, присоединишься к нам? – пригласил он, кивнув в сторону щедрого стола.

– Нет-нет, благодарю. Я не могу. Мы уже скоро уезжаем.

– Тогда хотя бы вина, – настаивал Виктор.

– Мне еще нужно переодеться и сдать номер, – объяснила я поспешно.

– Так ты здесь не с Андрианом? – поинтересовалась Татьяна.

– Я одна. Всего-навсего работа.

– Виола! – Тут появился бог знает откуда губернатор. – Примите мои искренние поздравления.

– Простите. – Я смущенно улыбнулась Татьяне и Виктору и повернулась к губернатору, который уже уверенно держал мою руку в своей.

– Позвольте вам отрекомендовать господина Евгения Ольштинского, главу ассоциации людей с особенными потребностями нашей области. Господин Евгений намеревается наладить выпуск самых современных инвалидных колясок одной немецкой компании.

– О, это совсем не то, о чем я хотел просить пани Виолу, – сказал солидный седой мужчина на инвалидной коляске.

Он взял с меня слово дать небольшой благотворительный концерт в Ассоциации инвалидов и, попрощавшись, уехал. Губернатор поспешно «потянул» меня за стеклянные двери зала. Виктор и Татьяна с мнимым пониманием кивнули нам вдогонку.

– Представляю их диалог после твоего исчезновения, – сказала Катя подруге.

– Какой диалог? – удивилась Виола.

Психолог попробовала смоделировать ситуацию:

– «Надменная она какая-то. Тебе так не кажется, Витя?

– Ну, может, немного. С ее-то данными, – наверное, попробовал оправдать тебя Виктор.

– Конечно, «остановилась в номере всего лишь на время выступления», – саркастически собезьянничала твои слова Татьяна. – А не с губернатором ли?!

– Глупости! Не фантазируй. – Виктору, скорее всего, стало не по себе от таких мыслей.

– Разве ты не видишь, как тот на нее смотрит? И вспомни: у него слабость к певицам. Кем была его первая жена?! И где она сейчас? Уже и не вспомню ее имени, – аргументировала Татьяна.

– Я тоже не помню. Ты додумываешь то, чего не знаешь. Идем лучше к столу».

Думаю, что приблизительно такими словами Виктор завершил не очень приятный диалог.

Виола чувствовала себя так, будто на нее натянули смирительную рубашку.

– Ты экстрасенс, Катя?! – воскликнула она.

– Ой, что ты! Просто профессионал, – улыбнулась подруга.

– А в моей голове как раз и вертелись такие пугливые вопросы: что обо мне подумают знакомые, как объяснят мое появление в неожиданной компании? И что будет представлять себе Андриан, если это дойдет до его ушей?! Мои пальцы и ладонь парадоксально леденели в горячей руке малознакомого мужчины. Каждая секунда казалась невыносимо длинной, хотелось провалиться на месте, лишь бы не находиться в таком до ужаса глупом положении. Я уже чертыхалась, что согласилась на его предложение помочь исправить ситуацию с платьем. Но вдруг он, очевидно ощутив мой дискомфорт, остановился и не без чувства собственного достоинства спросил:

– Я надеюсь, что смогу попасть на вашу премьеру по личному приглашению?

«Хвала Создателю!» – с облегчением вздохнула я мысленно.

– Да, конечно, пан Василий. Я искренне благодарна вам за помощь. Вы так легко решили мою проблему.

– Рад, что сумел помочь. И должен заметить, что сделал это не без удовольствия. – Он как будто одарил меня своей улыбкой. – Опера – один из самых любимых моих жанров. А вы, я слышал, готовитесь к очень важному конкурсу?

– Да, действительно. Но это никому не известная информация! – Я была озадачена.

– Только не для меня. Успехов вам! – пожелал губернатор с теплой и все же снисходительно-пренебрежительной улыбкой.

– Благодарю. Я обязательно передам вам приглашение, – заверила я, чувствуя финал мини-променада.

– Не нужно. – Он взглянул на своего помощника, который все время был с ним рядом, и тот сразу же вручил мне его «золотую» визитку. – Лучше позвоните мне по телефону.

– Конечно, – ответила я, опустив глаза на карточку, когда он уже отошел.

Боже! Я, как будто сбросив тяжелые кандалы, поспешно взлетела по ступенькам к своему временному прибежищу. У меня уже почти не оставалось времени на переодевание для моего следующего выступления на улице, под фейерверк и спецосвещение, в окружении артистов цирка: акробатов, клоунов и фокусников на ходулях. Но все прошло по плану, даже невзирая на начинавшуюся грозу.

Это было такое красивое зрелище, Катюша! Я эффектно выезжала на колеснице, в маске и золотисто-красном платье, исполняя отрывок из оперетты Имре Кальмана «Принцесса цирка». Картину довершала молния с раскатами грома и фейерверк.

Я, улавливая восторженные взгляды и аплодисменты замороженной действием публики, не могла не заметить среди других и Виктора. Он стоял рядом с женой, маниакально впившись в меня глазами – я ощущала это почти физически. Катя, он смотрел так, как будто видел перед собой не обычную женщину, а нечто фантастическое и божественное! Я не первый раз чувствовала себя Сиреной, но никогда раньше это не оставляло таких трепетных воспоминаний в моем сердце, – призналась певица.

Испытание

Разговор с Катей занял значительно больше времени, чем планировала Виола. Но в тот день не было назначено ни одной репетиции. Сразу после этого разговора она побежала за Орысей в садик. Зима, и в пять уже темнеет.

По дороге домой малышка что-то лопотала о своих чрезвычайно важных делах. И сколько Виола не просила ее помолчать – как все вокалисты, она раз и на всегда зарубила в своей памяти: на морозном воздухе можно легко простудить горло, – ребенок не мог удерживать язык за зубами.

– А папочка уже дома? А что у нас будет на ужин? – сыпались один за другим вопросы, которые погруженная в себя мама, казалось, и не слышала.

– Ой, я совсем забыла об ужине, – вдруг спохватилась Виола.

Сама она уже несколько дней не ощущала потребности в еде, и только резкая боль в желудке принуждала ее заглянуть в холодильник.

– А чего бы тебе хотелось, Орыся? – любяще спросила дочурку.

– Картошечка есть? Или курочка? – поинтересовалась малышка.

Виола улыбнулась и присела, чтобы обнять свое чудо. И в то же мгновение будто вновь испытала то неземное блаженство, когда впервые увидела свою новорожденную девочку. Только теперь это ощущение портило... нет, болезненно заостряла душевная тоска. Она грустно улыбнулась Орысе, поцеловав ее в бархатную щечку.

По дороге домой Виола купила куриные ножки, и через полчаса на кухне уже невыносимо вкусно запахло ужином. На плите неспешно шептал чайник. Дочка, подражая маме, неуклюже, но старательно подкармливала своей ложечкой мамочку Виолу, громко смеясь, когда не попадала в рот.

Вернулся из офиса Андриан. Девчушка побежала к нему в прихожую.

– Папочка, папочка, а ты знаешь, мама сегодня нам ужин куриный приготовила. Я такая голодная! Нам в садике вот такусенький кусочек давали! – затараторила малышка.

– Ай-я-яй, что же это вас там голодом морят? – полушутя спросил муж.

– Привет! Садись к столу, – пригласила Виола, выглянув из кухни.

– Я уже поужинал с ребятами. Окно открой! Здесь страшная духота, – сказал он, глянув на плиту.

– М-гу, только малую накормлю. Орыся, садись-ка быстренько.

Андриана абсолютно не волновал быт – минимум мебели и максимум воздуха. Тепло и уют его мало беспокоили. Если зима – то прохлада в квартире, а если лето – то окна зашторены, чтобы не впустить в дом жару. Терпеть не мог также детский шум-гам и баловство. Вечером, после работы, требовал тишины и покоя. Постоянно проводил время за компьютером. Будучи программистом, он создал фирму, которая занималась разработкой и поддержкой веб-сайтов. Это было его единственное увлечение. Он мог часами оставаться один на один с компом, не обронив ни слова своим девочкам. Громкие Орысины игрушки его раздражали, сам он таких не покупал и очень злился, когда подобные вещи дарил кто-то из близких.

– Завари мне белого чая, – попросил он Виолу и пошел переодеваться. – Я сейчас уйду. У меня еще есть дела, – бросил Андриан из спальни.

Виола зажгла под чайником конфорку, ничего не переспрашивая. Она хорошо выучила его ответ за все годы: «Должен встретиться с одним знакомым. По работе». И даже если этого человека знала и Виола, Андриан не считал нужным ставить в известность об этом жену. Кто его знает, почему он так поступал. Виола вовсе не злилась. Воспринимала его таким, каким он был. Давно поняла, что гораздо легче измениться самой, чем изменить Андриана.

Малышка ужинала и листала большую красочную книгу. Виола, все еще влюбленная в детские сказки, с удовольствием читала их своему ребенку.

– Все готово, Адя! – иногда она так ласково называла мужа.

– Благодарю.

Андриан слегка ущипнул доченьку за щечку и присел выпить ароматного чая. Виола поставила перед ним вазу с конфетами и случайно зацепила ее рукой. Послышался звон разбитого стекла, и сладости очутились на полу.

– Ну как же ты неуклюжа! – грубо заметил Андриан.

– Я уже все убираю, – стушеввалась Виола и схватила щетку с совком.

Андриан недовольно свел челюсти и набрал какой-то номер на мобилке. Переговорив и опустошив свою чашку, он молча оделся, положил в кофр с ноутбуком диск, флешку и закрыл за собой дверь.

Виола выдохнула с облегчением. С недавних пор его молчаливое присутствие ужасно ее угнетало. А теперь она может спокойно побыть наедине со своими мыслями.

Рыська была уже совсем самостоятельной девочкой. Никогда не надоедала: рисовала, пыталась читать, играла. Она лишь нуждалась в присутствии мамы в той же комнате. Виоле это добавляло уюта. Чувствовала себя львицей с малым львенком, который пытался все время возиться в теплой и уютной атмосфере рядом с мамой.

– Мам, почитай мне сказочку про «Стоптаные туфельки», – мило промурлыкал ребенок.

– Хорошо! Только посуду домою, – ответила Виола, досуха вытирая все на кухне.

Любую творческую натуру медленно убивает быт: грязная посуда, пыль на мебели, косматые «перекати-поле», которые собираются под кроватью в спальне, и куча других рутинных дел. Все это отбирает драгоценное время, которое с пользой можно посвятить любимому делу, но... Замужняя женщина – прежде всего жена и лишь потом все остальное.

– «В одном заморском королевстве жил-был король...» – начала сказку братьев Гримм Виола, но мысли ее были далеки от того, что читала...

Она вспоминала каждую встречу с ним, каждое слово и многозначительный взгляд. Почти бесилась на себя за то, что не могла всего точно помнить. Не придавала тогда этому никакого значения. А важным теперь оказалось все, до мельчайших деталей.

Когда Виола увидела его впервые, он не произвел на нее особенного впечатления. Невысокий, синеглазый, с обычной внешностью и абсолютно спокойным, почти невозмутимым взглядом... Ей даже показалось, что его глаза, словно компьютер, сканируют объект по всем его параметрам. Той невидимой энергии и силе, исходившей от него, не придавала тогда никакого значения. Не считалась с этим и в последующем. Сделала заметочку для себя, что он такой, – и все. Потому что каждого человека воспринимала каким-то шестым чувством, опираясь на которое и строила отношения.

Ну почему же именно он?! Раздражалась, что оба были женатыми, что не поняла всей опасности сразу. Что позволила себе влюбиться и влюбила его в себя. Да, в конце концов, последнее ее никогда не смущало, а только добавляло азарта. «Как больно!» – теперь она понимала своих поклонников. Хотя это еще вопрос: кого-то из них Виола интересовала по настоящему, а не как проявление своего альтер-эго.

Ее экспрессивная творческая натура со взрывным, веселым характером, ее юмор магически притягивали к себе мужчин. Она знала об этом и без всякого зазрения кокетничала каждый раз с новым кандидатом. Таким было ее естество, оно требовало эмоций, переживаний, пусть и сугубо шуточных.

Муж Виолы никогда не обращал внимания на озорство своей жены. Был уверен в ее принципиальности и несокрушимости – результат строгого родительского воспитания.

А ей всегда казалось, что кокетство никого не задевает. Это было для нее будто соревнование: она еще больше самоутверждалась как привлекательная молодая женщина, подливала масла в угасающий огонь своего брака и просто весело проводила время. В компании всегда найдется тот, кому свойственно чувство юмора и кто умеет поддержать ни к чему не обязывающий флирт. Не шутила она только с известными бабниками. Остерегалась и презирала их. Виолу никогда по-настоящему не интересовал объект флирта. Но не в этот раз.

«Виола, с какой трассы мы будем спускаться?» – спрашивал он почему-то у нее, а не у кого-то другого. «Я хуже всех катаюсь», – была она убеждена тогда. Слепая! А вот зато в следующей поездке он вообще избегал ее присутствия. «Держитесь! Вот так мужчина!» – думала восторженно о нем. И, простодушная, не понимала, что в ней уже зародилось чувство. А он умело манипулировал ею. Играла и дальше. Играла с огнем! А огонь, умноженный на огонь, – это уже пламя.

Оба попали в него. Почувствовала, что он это понял давно. Был опытнее в отношениях с женщинами. А она все отшучивалась и порхала, как будто искра, отделенная от очага. Не замечала серьезности ситуации. Лишь недавно, на Андриановом дне рождения, заметила иронические взгляды друзей. Когда его шутки стали слишком откровенными. Это наконец привело ее в сознание. Она поняла его совсем не игривое настроение. Обеспокоилась и испугалась его намерений. Не была уже настолько наивной, чтобы этого не уловить. И при первой же возможности намекнула ему, что не заводит грязных интрижек. Он тут же отдалился и исчез из ее поля зрения. Виола успокоилась. Но это ей так только показалось.

С того времени она перестала чувствовать мир вокруг. Попала в какую-то железную капсулу. Не знала голода, не могла уснуть, ходила как сомнамбула. Мир существовал для нее в параллельном измерении. Наблюдала жизнь лишь как посторонний зритель. Только петь и могла, да и то удавалось хорошо лишь в миноре – входила в резонанс со своими внутренними переживаниями. Ей не верилось, что впервые ее зацепило за живое, что в ней появилась какая-то эфемерная субстанция, на которую она – замужняя женщина – не имеет права.

И, не размышляя, оттолкнула от себя то, что могло ее снести, как морская волна, и закрутить в водовороте пьянящей страсти. Решила, что это – проклятие и испытание. Ежедневно молила Господа со слезами на глазах дать ей терпения, силы и мужества. Просила не соблазнять ее последующими встречами с ним, не тревожить ее огненную душу. Умоляла не дать ей возможности пересечь ту границу, которую никогда не переступала, потому что знала, что такое измена. Думала, что сможет отомстить Андриану таким же образом. Но стена, которую она сама когда-то возвела, была крепка, как скала. А Виола стала в ней заложницей своих принципов и убеждений.

Семейные заботы немного отвлекали и выводили ее из забытья. Радовала своим баловством Орыся. Но Виолино переполненное чувством горячее сердце мучительно страдало, отдавая болью в висках, душе и разуме. «Не-пы-тай, не-пы-тай!» – казалось, она чувствовала его болезненную мольбу каждый раз. Не заметила, как закончила читать сказку, встала и подошла к застекленному балкону. Сквозь густо намороженные, объемные узоры на стекле не видно ничего, что делается на улице, но вязаный рисунок, как голландские кружева, привлекал взгляд и умиротворял душу холодным покоем. Виола громко вздохнула.

– Мам, почему ты такая грустная? – мгновенно спросила доченька, заметив тоску в ее глазах.

– Тебе показалось. Я... просто зевнула.

Покой в квартире взорвал телефонный звонок.

– Да, Медея Феликсовна, – ответила она, узнав номер по определителю. – Все хорошо. Нет, вам показалось – я ничем не обеспокоена. Завтра на репетицию? Хорошо, ровно в одиннадцать буду.

Положила трубку и стушеввалась. Виолу смутило то, что преподавательница догадалась о ее «нестабильном эмоциональном состоянии», как она сказала. Она не хотела ее посвящать в такие глубоко личные переживания и вынуждена была солгать, чтобы сохранить внешнее спокойствие и не распускаться на людях.

Медея была отличной наставницей, то есть суровым и мудрым учителем, но не подружкой. Виола уважала и любила ее за высокий профессионализм и безграничную преданность своему делу. Но разговоров о том, что «на душе», между ними не возникало.

Она боготворила свою работу. Никогда не стремилась возглавить кафедру, а о факультете и речи не могло быть. Хотя она, как никто другой, могла претендовать на такую должность. Однако ненавидела закулисные интриги и шепот за спиной, что является неотъемлемой частью богемной среды, тем более в консерватории. Ей было достаточно того, что она стала профессором вокала. Всегда имела пару-тройку самых талантливых студентов, которые, как правило, впоследствии становились известными оперными певцами. Среди них были и заслуженные, и народные. Сама не сделала умопомрачительной карьеры по банальной причине – не хватило духу.

А начинала она почти феерично. Закончила Львовскую консерваторию и сразу же была приглашена в Киевскую оперу. Медею там называли «Мадам Баттерфляй», потому что была она исключительно хороша в этой партии, а также это была ее дипломная работа. Ей пророчили фантастический успех. Но она ностальгировала по Львову, тосковала по родным. Проработав всего год в столице, вернулась в родной город. «Зачем тебе эта провинция? Да еще и филармония?!» – с нескрываемым скепсисом спрашивала у нее тогда одна из народных артисток СССР Евгения Мирошниченко. Но для Медеи всегда будет все равно, где и перед кем петь: будь то маленькая сцена санатория, куда выезжала с аккомпаниатором, или же большой зал оперы. Главное – просто иметь возможность выступить.

А еще она поняла, что до боли в груди любит свой город. С его узкими улицами, со средневековой мостовой и классически-сецессионными² домами с химерами на крышах. С его постоянными дождями и влажностью, с его переполненными транспортом и людьми дорогами и по-домашнему уютными кафе и ресторанчиками. Здесь лучше жилось и пелось. Львов всегда был и останется творческой столицей Украины.

Работая в филармонии, Медея довольно часто для советского периода гастролировала, принимала участие во многих конкурсах, неизменно становясь лауреатом. За пятнадцать лет служения искусству получила звание заслуженной артистки уже независимой Украины. Еще немного поработала в местной филармонии и откликнулась на предложение ее родной консерватории.

Виола была одной из самых любимых учениц Медеи Феликсовны. Она очень напоминала ей себя в молодости. И Виола после замужества из-за кровной привязанности к родителям не отправилась за славой на край света. И тоже больше жизни любила петь. Поэтому, внутренне сочувствуя и поддерживая Виолу, Медея старалась совершенствовать ее мастерство уже частными уроками, искренне надеясь, что все же поможет этому самородку засиять всеми гранями бесценного таланта.

Медея знала, что Виола избегает разговоров о протекциях и упрямо верит в свой успех, интуитивно чувствуя свое будущее восхождение, которое просто где-то задерживается. Но годы шли, а побед все не было. Вот и теперь ко всем ее душевным мукам присоединилось еще одно поражение в областном отборочном туре. Она видела, что Виола постепенно теряет веру в себя: ей было чуть больше тридцати, и она наивно думала, что впереди уже маячит старость. Замечала, что Виола фактически поставила крест на всех своих мечтах.

² Гуцульская сецессия – архитектурный стиль, характерный для некоторых зданий, построенных в Восточной Галиции, прежде всего во Львове, в конце XIX – начале XX века.

Сердце ее было разбито, карьерных сдвигов никаких, и чувствовала она себя несчастной. Медея старалась успокоить Виолу, поддержать. Но сделать это было нелегко. Она пыталась найти «свои каналы» на конкурсах, не посвящая в эти интриги свою ученицу, а за поддержкой обратилась к Андриану:

– Понимаете, я не стала бы вас тревожить, если бы это не стоило таких денег. Для меня это слишком большая сумма. Виоле я, конечно, ничего не говорила, вы же знаете ее отношение к такого рода вещам.

– Да-да, вы правильно сделали, что сказали мне. Я готов помочь.

Медея обрадовалась его участию, но, как оказалось, преждевременно. Далее этого разговора муж Виолы не пошел. На телефонные звонки не отвечал. А впоследствии, когда через несколько месяцев после конкурса, в котором его жена традиционно заняла второе место, случайно встретился с профессором на одном из концертов, убедительно врал, что расценки для него были слишком высокие. Тогда Медея и поняла, что муж Виолы никоим образом не стремится помочь своей жене.

Виола не посвящала преподавательницу в свои семейные дела. Старалась выглядеть счастливой, неизменно шутила, боготворила свою дочку. И только после этого несправедливого поражения со слезами на глазах она созналась, как больно ранит ее безразличие мужа. Жаловалась, что он не обнял ее по-мужски, чтобы она почувствовала себя защищенной, любимой и желанной. Не захотел заметить в ее глазах отчаяние и разочарование, бессилие.

– Вопрос был в деньгах? – только и спросил он.

– Не знаю. Мне гадко о таком думать, – ответила Виола.

– Так и не думай.

Медея Феликсовна больше никогда не касалась этой темы. Знала, что Андриан отгородился от планов и переживаний Виолы. Редко интересовался ее занятиями. Знала, что они мало общаются, только ради того, чтобы заполнить чем-то тягостное молчание, если вдруг оказывались где-то вдвоем, где не было компьютера. Преподавательница поняла, что он – современный «виртуальный» человек, флегматичный и мало эмоциональный. Все воспринимал очень сдержанно, как должное. Не удивляло ее и то, что он не посвящал Виолу в свои дела, поскольку считал ее, так сказать, несведущей в этих вопросах.

Эти супруги были как белое и черное, инь и ян. Союз двух противоположностей.

– Добрый день, – с милой улыбкой зашла в класс раскрасневшаяся с мороза Виола.

– Здравствуй, моя дорогая! Ты опоздала, – сухо заметила профессорша вокала. – Это на тебя не похоже.

– Прошу прощения. Маршрутки еле едут: скользко, всюду пробки.

Виола разделась и начала распеваться. Однако мысли ее были совсем не в классе. Помогало уже достигнутое мастерство, доведенное до автоматизма.

– Виола, соберись! – велела преподавательница. – Ты отсутствуешь. Давай еще раз с коды.

– Да, конечно, – попробовала взять себя в руки Виола.

Она старательно выводила легато, аккуратно сворачивалась на пиано и раскрывалась на крещендо, но все усилия были тщетными. Голос не звучал даже на патетических рахманиновских романсах.

Через час репетиции на лице Медеи Феликсовны отразилось огромное разочарование.

– Зря потраченное время, – недовольно заметила она. – Что с тобой? Ты меня вообще не слышала.

Виола повесила голову.

– Какие-то проблемы дома? – уже мягче поинтересовалась преподавательница.

– Нет, все по-старому, нормально.

Медея опять сделала каменное лицо:

– Если ты будешь во время наших занятий думать невесть о чем, то к конкурсу не готовишься. Кому нужна серая мышка?! Да и у меня нет времени на глупости. Иди! В следующий раз приходи, когда сможешь себя посвятить пению. Понятно, я надеюсь?!

– Простите, Медея Феликсовна. Обещаю исправиться. – Виола попробовала улыбнуться, выходя из класса. – До свидания!

Преподавательница неодобрительно покачала головой, театрально вскинув левую бровь. Она почувствовала тревожное состояние своей ученицы, но решила не въезжать танком в ее душу. Медея никогда не была хорошим психологом. Как преподаватель, она чувствовала своих студентов, но не могла дать им путевого жизненного совета. Виолу же она считала достаточно мудрой для ее лет женщиной, чтобы самой разобраться со своими проблемами.

– Виола, все проходит, – тепло сказала ей вместо прощания.

Та обернулась, улыбнувшись, и пропустила в класс первокурсницу.

Вечером после рабочего дня Медея Феликсовна ожидала в гости своих внуков и очень нервничала. Она любила их безгранично, но тот бедлам, который создавали двойняшки Максимилиан и Александра, мгновенно выводил ее из состояния равновесия. Спокойно она могла выдержать их присутствие не более получаса, а затем начинала злиться на трехлетних малышей.

Дети, попав в ее антикварное жилище, буквально разносили его на куски. Вазочки, статуэтки, салфеточки обязательно падали под ноги, прятались под столом и в щелях между мебелью. А ноты... ноты летали по квартире, словно лебеди. После их посещения Медея два-три дня ходила с повышенным давлением и головной болью.

Обеспокоенная подавленным состоянием своей лучшей ученицы, профессор не сразу поняла, что вечер уже клонился к ночи, а маленькие гости так и не пришли. Свернув ноты и прикрыв крышку своего «Петроффа», она взволнованно набрала номер телефона сына.

– Слушаю, Медея, – трубка ответила голосом невестки.

– Что случилось, Таечка?! – разнервничалась свекровь. – С малышами, с Александром все в порядке? Я же их ждала!

– Все хорошо! Странно, что Саша вам не перезвонил, – ответила Тая. – Они уже легли спать. Дело в том, что Санечке неожиданно дали приглашение в цирк и он сразу же пошел туда с детьми. Вероятно, просто не успел вас предупредить. А я закрутилась... Сами понимаете, когда их нет, пытаюсь переделать всю работу по дому.

– Всю работу не переделаешь, – заметила оскорбленная свекровь.

– Простите, Медея, пожалуйста. А как дела у вас? Как там ваши студенты? – Невестка попробовала переключить свекровь на ее заботы.

– О, спасибо, что интересуешься, – понемногу начала оттаивать Медея. – Готовимся к отчетному концерту. Теремко в марте поет сольный, Саджицкая ужасно подвела – ушла в декретный отпуск.

– А как там ваша любимица Виола?

– Ой, даже не спрашивай! Разочаровала меня сегодня совсем. Была как не от мира сего. Сама на себя не похожа: молчаливая, задумчивая, витала где-то в облаках, абсолютно не могла собраться, – пожаловалась Медея. – Проблемы в семье, что ли...

– А может, наоборот – любовь? – неожиданно предположила невестка.

– Да, может и... Что? Что ты сказала, я не расслышала? – переспросила свекровь удивленно.

– Влюбилась, наверное, говорю. Это же для художника перманентное состояние души!

– Хм, а я об этом даже не подумала, Таечка. Ну, спокойной ночи! Поздно уже, – резко прекратила разговор Медея и, выключив телефон, пошаркала на кухню заваривать травяной чай.

Пара

Виола возвращалась домой по заснеженному городу и думала. У всех ли супружеских пар возникают похожие проблемы? Может, это только она испытывает такие ужасные упреки совести? Ведь если решить, что можно потакать всем своим желаниям, то жизнь становится гораздо проще. Мчишь без оглядки за своим чувством, ломая и испепеляя все прошлое, и не оглядываешься. А может, это только так кажется, что все просто, а в действительности сложно, потому что чувствуешь боль и потерю чего-то важного?

Как всегда, в наушниках MP3-плеера звучала музыка. Сегодня это было этно.

Маршрутка застряла в автомобильном заторе. Раздвоение личности в борьбе между совестью и желанием не давало Виоле возможности как обычно насладиться красотой укутанного в белоснежное одеяло города. На улице вечерело, и снежинки, будто стаи белых мотыльков, то тут то там выныривали в свете фонарей. Ими забавлялась метель, весело подгоняя прохожих и заглядывая каждому в лицо. Все куда-то спешили, ловя шарфы, которые развевала шутница-зима. Холод пронизывал до костей и поторапливал уставших львовян.

Виола в забытии скребла ногтем по замерзшему стеклу. И тут в автобус вошли двое интеллигентных старичков. Виола сразу освободила свое место, пригласив седую женщину с живыми, улыбающимися глазами. Ее муж учтиво поблагодарил молодую панну, сдержанно склонив голову и сняв старенький черный берет. Эта пара выглядела так трогательно, что привлекла внимание Виолы. Очевидно, когда-то красивый и осанистый мужчина, а теперь уже дедушка, держал за руку жену, которая специально сняла перчатку лишь с правой руки. На ней поблескивал толстый перстенок – такие, вероятно, были модны в годы их молодости. Старички ехали молча, лишь изредка обмениваясь улыбочивыми взглядами. Но какими красноречивыми они были! Сколько важного и светлого таили в себе. Их окружал какой-то незаметный ореол тепла, уважения и любви. «В таком-то возрасте! Ведь им наверняка далеко за семьдесят!» – подумала Виола.

Из динамиков неслось многоголосое пение потомков древних ацтеков. Заслушалась на мгновение. В главную тему вступили духовые инструменты. И Виола попала в мир южноамериканских гор и пампасов. Ей почудилось, что она левитирует над заснеженными Андами. А там в ритуальном танце медитируют раскрашенные туземцы во главе с празднично одетым в красочный перьевой шлем жрецом.

– На один, будьте добры, панянка, передайте, – пожилой мужчина держал в руках две гривны.

– Да, конечно. – Виола улыбнулась ему в ответ и передала деньги водителю.

Она всегда мечтала именно о такой старости. Да и кто, в конце концов, стремится жить как кот с собакой, в постоянных упреках и спорах? А именно такой почему-то становится на склоне лет жизнь давно женатых людей. Дети вырастают и разлетаются в многомерный мир, оставляя отца и мать вдвоем. И тут оказывается, что эти двое уже совсем не те, кем они были в начале их общего пути. Выясняется, что это чужие, безразличные друг другу люди с разными интересами и увлечениями, если таковые еще остались. То, что их объединяло, исчезло, и начинается вражда, непримиримая война за свою индивидуальность из-за нежелания мириться с потребностями партнера. Женщины с возрастом становятся назойливее, требовательнее, более черствыми. Зато мужчины делаются снисходительнее и отстраненнее. Они словно меняются ролями. Но именно безразличие пугало Виолу сильнее всего.

И вдруг она поняла безнадежно банальную вещь: их брак с Андрианом себя исчерпал. Им даже не понадобилось для этого прожить вместе целую жизнь. Это произошло преждевременно. Виола подумала, что, наверное, это давало им обоим шанс на еще одну попытку. И именно это стало для нее прозрением. Это произошло так же незаметно, как ребенок

вырастает из своей люльки, как медленно опустошается бокал вина, как заканчивается световой день и солнце спокойно садится за горизонт, чтобы утром опять появиться и, возможно, сиять еще ярче, чем вчера. Да, именно так – она перестала сиять своим внутренним огнем. Прекратила мечтать о большом будущем, в котором была уверена со своих первых шагов в вокале. Она сильно заземлилась, застряв на витке семейных забот, и растворила себя в пространстве и времени. Забылась, зашла за тучи повседневности.

Но Виола не жалела ни о чем. В ее супружеской жизни было все: первое увлечение и любовь. Не страстное, до щемящей боли в груди, а такое спокойное и дружелюбно мягкое, даже сдержанное чувство. Да и все вокруг говорят, что нужно тлеть, а не гореть, особенно в браке. Так и было у них с Андрианом. Впоследствии и это прошло, сменившись чувством долга. Родилась Рыська – плод их прежней любви. Тогда даже показалось, что вернулись угасшие эмоции. Но то был обман, фата-моргана среди пустыни безразличия. Потому что все умерло, превратилось в прах и развеялось ветром лет. Теперь Виола это остро чувствовала. Потому как ей не было дела до него, а ему – до нее. Каждый существовал сам по себе. Жил своей жизнью. Их объединяли только Орысины утренники в садике, поездки к родителям на Рождество и Пасху и редкие встречи с друзьями Андриана. Семейей Виолиных подружок он избегал.

В том, что так произошло, она не винила себя. Ей не в чем было себя упрекать. Виола была безукоризненным продуктом заложенных в детстве ограничений: «должна – нельзя – что скажут люди». Там не было места для личного «я»: я хочу – я имею право – я есть!

И мама, и отец Виолы – сельские учителя, местная интеллигенция. Искренне и самоотверженно верили в библейские постулаты, как обычно случается с такими людьми. Дочь свою воспитывали в строгости и скромности, пытались привить ей чувство долга, уважения к старшим, целомудрие в помыслах и поступках. Сами они с утра до поздней ночи пропадали на работе и огородах, чтобы все свое, свеженькое, с грядки. Не заботились о том, чтобы научить ее просто быть счастливой. Да и знали ли секрет этого счастья?! Просто любили своего ребенка и давали ей все, что могли. Виола имела возможность посещать все кружки, которые только хотела. Впоследствии стала певицей, о чем и мечтала. И вот теперь наступило такое неприятие всего того, чему ее научили.

Что скажут родители, волновало ее больше всего, мучило и терзало. «Кто терпен – тот спасен!» – любила повторять Виолина мать. И если вдруг она пойдет навстречу своим чувствам и желаниям, они будут осуждать ее за непостоянство, за несерьезное отношение к своей семье и браку. Она, еще ничего не сделав, уже чувствовала себя воровкой и фальшивкой, мнимой святой, прикрывавшейся маской благопристойности в то время, когда вынашивала подлые намерения и планы. Она страдала уже от таких мыслей.

Родители будут убеждать, что она ведет себя как инфантильное, эмоционально незрелое существо, как стерва, как вообще неизвестно кто! Потому что это – не любовь. Это – временное увлечение, которое пройдет и даже воспоминаний о себе не оставит. Виола знала все их доводы заранее. Впрочем, она и не собиралась посвящать их в свои переживания, а лишь мысленно вела с ними диалог. Кажется, боялась их неодобрения, как школьница. Но Виола уже давно взрослая женщина. И имеет право (даже должна!) решать такие вопросы сама. Злилась на себя за такие мысли. Именно эти переживания и казались ей инфантилизмом.

Мама и отец Виолы прожили свою жизнь как единое целое, были настоящей семьей. Объединенные одной профессией, они оба стали заслуженными учителями, очень уважаемыми людьми в селе. Но самое главное – их личные отношения всегда отличались глубоким уважением и искренней любовью друг к другу. Они всегда и везде были вместе. Даже болели одновременно, хотя совсем непонятно, как это у них получалось. И трепетно подкармливали друг друга куриным бульончиком и отпаивали травяными чаями с медом. В их доме не возникало вопросов по поводу того, кто чем должен заниматься и за что отвечать: все делали

вместе, помогая друг другу. Тяжелую работу отец всегда брал на себя. Конечно, они спорили и ссорились, но это происходило крайне редко, по очень важным вопросам и никогда по пустякам. Однажды они поругались из-за больной ноги отца, когда ему нужно было менять сустав, а необходимой суммы денег не было. Ну, не то чтобы совсем не было: в бамбетеле³ лежали деньги, которые копились на свадьбу дочери, но отец запрещал их трогать. Собственно, из-за этого и возник скандал. Поскольку ходить он уже практически не мог ни с тросточкой, ни без нее, а боли становились невыносимыми, то мать категорически настаивала на операции. Но конфликт разрешился неожиданным образом: вмешалось районо, отправив письмо в облсовет с просьбой о помощи заслуженному учителю. Операцию по замене сустава сделали бесплатно. Это был единственный раз в жизни, запомнившийся Виоле, когда они почти неделю не разговаривали. Родительские отношения навсегда останутся для нее примером семейной жизни и взаимной любви.

Любовь... Каким живым стало теперь это слово для нее! Каким глубоким, болезненным и почти адски ощутимым стал его смысл! Она хотела вырвать эту боль из своей груди, но в то же время и не желала ее лишиться. Ей так хотелось, чтобы кто-то вместо нее принял решение. Но обязательно правильное решение, чтобы прекратились эти муки. Что же делать – удушить в себе эту бурю или отдаться на волю такого болезненно сладкого чувства?

А может, это именно та любовь, которая дается лишь избранным?! Почему каждый из нас убежден в своей неповторимости и неординарности всего, что с ним происходит? Почему, влюбившись, ты уверен в том, что это – навсегда? Что никто и никогда так пылко и самоотверженно не любил. Что все другие подвержены низким эмоциям и примитивным инстинктам, а твои чувства – неземные, высокие, уникальные. И что объект твоей любви отныне полностью и беспрекословно принадлежит тебе. Что все это – нетленно! Почему?

Почему мы даем обет верности и повиновения друг другу при вступлении в брак? Почему нас принуждают это делать, заранее зная, что в будущем мы наверняка не раз наткнемся на любовь? И не факт, что это чувство не станет фатальным, таким, что расколется сердце даже не пополам, нет! Оно раздавит его, размажет по всей душе. Выпотрошит все мечты и надежды, подчиняя их только себе, привязывая их к своим эгоистичным стремлениям и ориентирам. Оно сделает из тебя мягкую, переспевшую грушу, которая, упав с дерева, лишь чавкнет, выдохнув вкусный, сладкий аромат своего переизбытка этим чувством. Оно, как коварный вирус, проникнет в каждую клетку твоего организма, перемещаясь по венам и артериям и отравляя все тело. Это – хуже, чем наркотик, это – страшнее смерти. Потому что больной ежесекундно чувствует как умирает, когда рядом нет того, кто тебя так сладко умерщвляет; и опять будто рождается, едва лишь хотя бы услышит его голос. Это чувство не даст тебе жить устоявшейся жизнью, поправ все то, что было крепким, как гранит, и нерушимым в своей святости, как библейские заповеди. Оно застит тебе глаза багряной пеленой страсти и пыла, горько-сладкой боли и призрачности всего реального. А может, и не реального, но такого, что происходило не с тобой и не с твоей жизнью, а где-то там, далеко, на краю ле-гуиновской Ойкумены. И кто тогда тебе подскажет, где же в действительности ты должен быть, на каком берегу той реки, что разлилась, как Днестр под стенами Галича, стыдя совесть за никудышное нынешнее, лишенное славного прошлого?

Виолино уставшее сердце стонало в чугунных тисках чувства, как зверь, загнанный в искусно расставленную неожиданную ловушку. Она прикрутила звук плеера и вышла на конечной остановке на Сихове. Мороз крепчал и лепил из капелек воды на ее пальто-реглане вычурные снежинки. Вьюга крутила белым покрывалом, как новобрачная фатой в свадебном танце. «Забудешь, забудешь!» – слышала она пение деревьев под ветром. «Ни-ког-да, ни-ког-да!» – скрипел под ее ногами снег. А в ушах звучала музыка далеких гор.

³ Бамбетель – софа.

Андриан

Горел свет в окне маленькой комнаты. «Значит, Андриан уже дома, за компьютером», – подумала Виола.

Когда они только поженились, то планировали, что когда-то эта восьмиметровая комната в стандартном панельном доме станет детской. Но ребенок появился не сразу, и комната временно стала домашним кабинетом мужа. С рождением Орыси ничего не изменилось. Ребенок нуждался в круглосуточном внимании матери. Посоветовавшись, они решили, что лучше будет ничего не менять в квартире. И только Андриан, чтоб его не будили посреди ночи детские крики, режущиеся зубки и другие «прихоти» малышки, перебрался спать в свой условный кабинет.

Виолу ничуть не оскорбило такое решение мужа. Она пыталась его понять. И даже обрадовалась, потому что представилась возможность наконец поменять шторы и тюль в спальне. Все окрасилось в розовый цвет, в тон балдахина над кроватью доченьки. Медленно изменялись и другие детали: на стене появились часы-кошечки, которые каждую секунду озорно смотрели то вправо, то влево. На полу, на коврик ручной вязки, который заботливая молодая мамочка приобрела на пяточке вблизи театра Заньковецкой, поселился большой белый медведь и старинная фарфоровая кукла в пышных одеждах. Старый шкаф Андриановой бабушки Виола собственноручно разрисовала героями из своих любимых сказок: гномами из «Белоснежки» и друзьями Бэмби. На подоконниках разместились не экзотические, а привычные домашние растения: калачики, мирт, каллы, целебное алоэ и пара миниатюрных кактусов. Виолой овладела какая-то мания «гнездования», и она все чаще и чаще покупала винтажные вещи на блошином рынке. Так в их кухне появилась старая медная джезва, в которой Виола варила неповторимый кофе каждое утро и тогда, когда приходили гости.

А друзья, невзирая на мужа-социопата, бывали у них часто. Виола считалась в их кругу знатной хозяйкой. Этот дар она унаследовала от матери и с удовольствием удивляла гостей старинными украинскими блюдами наподобие зайца или кишки, или напитками, такими как ореховка, сливянка... С рождением Орыси наловчилась покупать разные травы и делала из них травяную смесь. Познакомилась с одним дедулей-травником на базаре поблизости «Искры», который и научил ее, какая травка от чего помогает, лечит, а какая просто хороший вкус имеет. И ароматные, полезные отвары заменили в их доме традиционный советско-китайский чай. Виола поила ими дочурку и себя, набираясь сил после родов.

Андриан занимался своей работой, как будто ничего и не изменилось в его жизни. Любые призывы или подбадривания Виолы к общему участию в купании и прогулках с детской коляской сразу отклонял, бормоча, что это отбирает у него время, а значит, деньги. А однажды вообще обозвал все это «бабьим делом». Сначала Виоле помогала бабушка, оставаясь по будним дням в городе. Вечером готовила ароматную купель младенцу, приговаривая что-то потихоньку. Виолу это одновременно и веселило, и захватывало. Шершавые и потрескавшиеся от сельского труда руки уже на рассвете, в полшестого утра, умело лепили вареники и варили капустняк, пекли сырники...

– Бабусь, ты чего так рано? – спрашивала сонная Виола, заходя на кухню напиться узвара после утреннего Орысиного кормления.

– Чего ж рано-то? Летом-то уже корова доится, а я уж и так глаз не сомкну. Стара стала, – улыбалось испещренное морщинами солнечное бабушкино лицо. – А ты иди спи, Виолцю, иди. Молоко, оно нуждается больно во сне и хорошем питании. Давай, давай... как приготовлю, так тебя и растолкаю.

Внучка, прильнув, благодарно поцеловала бабуся в висок. Веяло от нее какой-то подлинностью, глубинной простотой и скромностью, женской мудростью и добротой. В их доме стало необычно уютно и душисто от бабусиной выпечки. Ни секунды не сидела без работы. Виола удивлялась ее неутомимости и силе, этому вечному двигателю с неизвестным источником энергии. Даже тогда, когда уже нечего было делать и искупанная правнучка довольно посапывала в своей кровати, бабунины старенькие руки перестирывали и переполаскивали в ромашковом отваре милые детские вещички. На ночь рядом с детской головкой бабуся укладывала вышитый собственноручно крошечный мешочек с лавандой и чабрецом – для крепкого и спокойного сна. Да и в своей постели Виола каждый вечер находила букетики засушенных трав. Так было и в ее детстве. И чувствовала она себя очень комфортно и уверенно, как и тогда. Перестала нервничать, руки уже не дрожали, сердце не дергалось, когда она справлялась с ручками и ножками дочурки.

Но когда Орысе исполнилось два месяца, а солнце за окном стало подниматься все выше, нагревая застуженную зимой землю, бабушка перестала приезжать. Виола очень опечалилась. Однако начался сезон сад-огород-скот. «Ты должна взрослеть. Уже можешь и сама с ней совладать!» – приговаривала бабуся на прощание и целовала обеих. Андриан аж посветлел, избавившись от постоянного, чуждого ему присутствия. Знал, что бабуся его недолюбливает, хотя и не показывает этого. Делал вид, что тоже ее не замечает.

– Добрый вечер, пани Виола! – выдернула ее из воспоминаний соседка.

– Здравствуйте, пани Леся, – улыбнулась в ответ. – Идете встречать внучку?

– Ага, иду, – ответила в возрасте, но еще красивая женщина, умерив поступь. – Уже темно, а ребенок вынужден сам проходить кусок дороги от маршрутки. Пусть бережет Господь! И вам было бы лучше мужа на остановке ожидать, а не идти одной. Страшно, какие лихие времена наступили!

– Да я уже как-то привыкла, пани Леся. Не волнуйтесь так!

– Да что вы говорите! – закачала сокрушенно головой соседка. – На прошлой неделе на Зубре у какой-то женщины сумку из рук вырвали. А вдвоем не так страшно, да и не подойдет никто. Будет обходить.

Виола пожала плечами:

– Я везучая, никуда не влипаю. Спокойной ночи, пани Леся.

– Храни вас Господь! Идите, Виолка, скорее домой. – И немолодая женщина поспешно понесла свои пышные формы на конечную остановку, за несколько дворов от их дома.

Через дорогу от их «панели» ярко освещался большой общий двор нескольких двухэтажных коттеджей. Два из них уже были заселены, а на трех других висели баннеры «Продается». Виола рассматривала аккуратную зеленую зону двора, которая в настоящий момент была на удивление неухоженной, покрытой прошлогодними, полусгнившими листьями, притрушенными снегом. С другой стороны четко виднелись качели и песочница, и разноцветная горка. Елку, окруженную можжевельником и вечнозелеными кустами, новые хозяева бережно украсили красными бантиками, хотя до праздников было еще далеко. Это был оазис настоящей красоты и уюта посреди однообразных серых спальных коробок. Виоле было так приятно представлять себя хозяйкой одного из спаренных домиков. Но это были лишь мечты. Пока еще она не зарабатывала столько денег, чтобы позволить себе даже автомобиль в кредит, не то что целый дом. А Андриан всегда говорил, что его абсолютно устраивает его квартира, которую он поменяет разве что на большую по площади. Но не сейчас. Когда-нибудь. По его мнению, нечего было спешить, ведь им и так хорошо втроем. Квартплата небольшая, а коттедж постоянно будет высасывать деньги. Виола понимала это и не настаивала, устала каждый раз слышать отговорку: «Мысли рационально!»

Лифт, как всегда, не работал. Виола пешком поднялась на седьмой этаж. Терпеть не могла свой подъезд! Мало удовольствия наблюдать запущенные, облупленные лестнич-

ные клетки, неубранные и заплеванные, исписанные гадкими ругательствами, матерными словами или разрисованные граффити. Хотя кое-где последнее и было достаточно талантливо. Она вздохнула и в который раз вспомнила о своей мечте приобрести отдельные апартаменты в нововыстроенном коттедже напротив.

– Привет! Вы уже дома? – спросила, войдя в квартиру. Сегодня малую обещал забрать Андриан.

В ответ тишина. Орыси явно не было дома, потому что ее сапожек в прихожей не наблюдалось.

– Где малая? Ты что, забыл ее забрать?! – Виола взволнованно подбежала к кабинету.

Андриан сидел в наушниках перед монитором и смотрел какой-то фильм. Виола схватила его за плечо.

– Где Орыня, Андриан?!

Он оглянулся. Смерил ее взглядом и вскинул бровь, заметив ее грязную обувь.

– Ты меня слышишь? Малышка что, еще в садике? – нетерпеливо вскрикнула она.

– Не кричи. Рыську забрал брат. Их Сидор соскучился по ней, – ответил так, будто это происходило в соседней комнате.

– А мне ты не хотел об этом раньше сказать?

– А что это изменило бы? – спросил Андриан безразлично.

– Я все-таки мама. И должна знать, какие у тебя планы относительно нашей дочки. Мы должны это обсуждать, – резко объяснила Виола, набирая номер телефона деверя и одновременно раздеваясь.

Но Андриан этого уже не слышал. Он опять нырнул в мир кино.

На кухне стояла гора грязной посуды, валялись обертки от конфет, стояла откупоренная бутылка коньяка. Муж никогда не мыл посуду и не убирал за собой. Само собой подразумевалось, что это не входило в его обязанности. Сколько Виола не пыталась вызвать его на разговор о распределении домашней работы, он всегда избегал этой темы. А когда и удавалось с ним поговорить, то он соглашался с паритетом в этих вопросах, но никогда его не придерживался.

– У нас есть какой-то повод? – Виола подошла к мужу с полупустой бутылкой «Хеннесси».

– Я начал новый большой проект. Госзаказ, – ответил тот, оттопырив один наушник. – Там торт в холодильнике и фрукты.

– Рада за тебя, – искренне сказала Виола.

Сначала она хотела поинтересоваться, почему он не дождался ее, но передумала. Давно чувствовала его отстраненность и дискомфорт в ее присутствии. Развернулась и пошла наводить порядок на кухне.

– У твоей Катерины все хорошо? – вдруг поинтересовался Андриан.

– Да. Она приглашала нас в гости. Завтра, когда будем забирать малую, – бросила в ответ Виола, но он сделал вид, что не услышал. Реакции не было.

Виола завершила уборку и, устроившись на диване перед телевизором в квадратной прихожей, которая служила им залом, начала переключать каналы, выискивая что-то интересное.

Она редко имела возможность спокойно посмотреть кино. Ужасно любила мелодрамы за их близость театральному искусству и глубину чувств. Но, к сожалению, транслировались лишь одни триллеры и фантастика с традиционным мордобоем, когда лужи крови вытекали из продырявленных человеческих и совсем нечеловеческих тел. Она нашла канал «Культура» и погрузилась в старое черно-белое советское кино. Показывали «Девчат». Хороший, наивный фильм, где даже злобная антигероиня выглядела неуклюжей добрячкой на фоне нынешних льстиво-хитрых соблазнительниц-убийц.

Виола не заметила, как быстро наступила ночь. Андриан все еще сидел за монитором. Рядом на столе стояла та же бутылка с кухни, но уже почти пустая. Она даже не помнила, когда он за ней ходил.

– Идешь спать? – поинтересовался он.

– Да, уже поздно.

– Я тоже сейчас приду.

Она знала, что означают эти слова. Была мужней женой, как говорила ей мать. Все было закономерно. Раз ему так нужно, следовательно, и ей тоже. Должна покориться, все нормально. Разве это важно, что ей это безразлично? Разве ее об этом спрашивают? Разве кого-то интересует, что ей это не нужно? Уставшая, огорченная...

Андриан приходит в их «женскую» спальню и ложится рядом под розовое одеяло. От него разит коньяком и какими-то духами.

– А хорошо вам здесь обеим спится, правда? Я уж и забыл там, на холодной твердой коже дивана, – говорит так, будто просто пришел сюда ночевать.

Она вся натягивается как струна, руки и ноги леденеют и не слушаются, душа сжимается в маленький бутон и вся дрожит, дрожит, настроившись против вторжения извне.

– Хороший фильм посмотрела? – Муж сухо целует ее в ложбинку между грудей, сжав их руками вместе.

– М-гу, – сомкнув веки, отвечает она тихонько.

Он одной рукой стягивает с нее тоненькие кружевные трусики. Проводит рукой по ноге и отводит ее в сторону.

– Ну, что ты как деревянная? – нетерпеливо спрашивает.

– Я... нет, я просто устала. – Она неохотно обвивает его худощавый торс руками.

Должна, потому что иначе будет ссора, возмущенное громохание дверями и «немецкий язык»-молчанка целую неделю.

Это быстро заканчивается. Андриан тут же засыпает, натянув на себя одеяло. Она идет в ванную комнату. Смотрит в зеркало и не узнает в нем себя. Будто чужая, совсем незнакомая растрепанная чувиха... Кто она? Бледная кожа, уставший угасший взгляд. Полпервого ночи? Так и что?! Разве впервые так поздно она ложится спать, разве впервые уступает мужу невзирая на собственную волю? Разве она такая единственная? А что делать-то?!

Пар от мощной струи горячей воды клубится, поднимаясь, и оседает на холодную блестящую поверхность зеркала. Виола задумчиво рисует на нем завитки сердечек. «И чего ей не хватает?» – словно спрашивает сама себя о той незнакомке за вспотевшим зазеркальем. «И что собой такого представляет?..» Вдруг у нее темнеет в глазах, кружится голова. Она хватается руками за кран и приседает на край ванны.

Мгновенно видит незнакомку рядом с Орысей, та ей что-то бормочет на кухне. Незнакомка, озабоченная приготовлением еды, что-то кидает в ответ ее доченьке, малая опечаленно выходит из кухни. В маленькой комнате рядом сидит за компьютером Андриан. На его лицо падает зеленая тень. На мониторе – покер. Рыська жалуется уже ему. Он отмахивается, даже не дослушав. Ребенок начинает плакать и опять идет к незнакомке.

У Виолы от отчаяния влажнеют ступни, холодеет сердце, шевелятся волосы на голове. Она начинает понимать, что видит себя. Видение тут же исчезает. В ужасе она прикрывает рот в безголосом крике. Придя в себя, становится под душ.

Какая-то нелепая фата-моргана: жуткая, пугливая, бездушная. Как и тогда, еще прошлой весной, когда развеялись все иллюзии.

С глазу на глаз

Виола подхватила обе сумки, в которых были упакованы ее и Орысины вещи, и направилась с ребенком по узкой тропинке. От трассы вблизи села, где останавливалось маршрутное такси, змеилась меж трав тропа к Убыням. Там жила двоюродная сестра Виолиного отца, тетка Устина. И когда Виола ехала в село не на их собственной машине, то приходилось пять километров идти пешком. И часть пути проходила через лес. Тогда она и останавливалась на часок-другой у тетки.

Густое высокое разнотравье нежно целовало обнаженные ноги мечтательно улыбавшейся «цокотухи». Так Виолу называли в детстве. Она все время о чем-то болтала, изредка давая возможность взрослым вставить скупое слово в свой монолог. Так теперь и ее дочурка, шлепая позади, непрерывно жаловалась на колоски трав, которые били ей в лицо.

– Беги впереди, Орыся, – предложила мама, – и пригибай их.

– Хорошо, – согласилась девочка и весело запрыгала по высокой траве.

Жутко пекло. Слишком уж жарко для мая. Где-то вдалеке послышался раскат грома. Виола прислушалась.

– Стой, Орыся. Не спеши.

– Что случилось? – удивилась малышка.

– Ты только послушай. Присядь.

Рыська заинтересованно остановилась и упала на коленки.

– Пчела жужжит, – прошептала доченька.

– И мычит теленок. Так звучит село. Это его музыка, его тема, – подняв брови, игриво заметила Виола. – Давай чуть-чуть послушаем.

Размеренный и неторопливый ритм сельской жизни, как будто пьеска в темпе *Moderato*, навевала приятные воспоминания и легкую, светлую ностальгию по давно прошедшим детским годам.

– У села есть своя музыка?! – удивилась Орыся. – Это как?

– Очень просто! У всего есть своя музыка: и у города, и у села, и у горы, и у моря.

– И у леса тоже есть музыка! – вдруг воскликнула девочка, и аж щеки надула от своей неожиданной догадливости.

– Конечно! Если ты хоть миг помолчишь, то обязательно услышишь тихое пение деревьев.

И Виола поспешила в лесную чащу, сползавшую толстым одеялом с холма в поле.

– Mam, mam! Куда ты?! Подожди!

Но Виола, лишь поощряя, подмигивала, оборачивалась, но не умеряла ход. Потом поставила сумки и упала на благоухающий зеленый ковер, раскинув руки. Закрывала глаза...

Рыська, догнав ее, тоже с увлечением повторила этот трюк.

Здесь, на земле, в травяном лесу бурлила своя жизнь. Все непрерывно шуршало и жужжало. И еле слышно плескалась кристально чистая водица ручейка, который пересекал тропинку. Ветер игриво перебирал листья деревьев, будто струны на арфе.

В детстве Виоле было строго запрещено ходить сюда. Слишком далеко от ее родного Леска. И потому редкие походы к трассе казались тогда почти сказочным путешествием. Влекла своей магией прохлада источника, манил спускавшийся сюда с холма лес, который брал здесь свое начало.

– Mam, может, уже пойдем? – вдруг нависла над Виолой Орыся.

– Еще минуточку... послушаем, – попросила, нежась в приятных воспоминаниях. – Когда я была такой, как ты...

– Тебе тогда было пять лет... или три?

– Да, где-то так. Я очень любила тут гулять, – начала Виола. – Видишь вон то большое разветвленное дерево? Оно возвышается над другими. Это дуб. Так вот, в нем есть очень удобное дупло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.